

ДМИТРИЙ БУЧЕНКОВ

**ФАЛЬСИФИКАЦИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
(НА ПРИМЕРЕ “БОЛОТНОГО” ДЕЛА)**

**Фальсификация уголовных дел в современной
России**

(на примере «Болотного» дела)

Бученков Д.Е.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «САМООПРЕДЕЛЕНИЕ»

Э-КНИГА

МОСКВА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2018

УДК 341.1

ББК 67.73

Подготовка текста, оформление, корректура, дизайн обложки:
издательская группа «Самоопределение»

samoopredelenie@riseup.net

Бученков Д.Е. Фальсификация уголовных дел в современной России (на примере «Болотного» дела). М., СПб, - Самоопределение, 2018. - 90 стр.

Преподаватель московского вуза, Бученков Д.Е. был арестован и помещен в СИЗО № 5 г.Москвы. Он стал 35-ым фигурантом «Болотного» дела, которое было заведено после столкновений демонстрантов с полицией на Болотной площади в Москве 6 мая 2012 года. «Болотное» дело стало самым масштабным политическим процессом в современной России. Не смотря на то, что Бученкова Д.Е. не только не было на Болотной площади, но его вообще не было в Москве в тот день, Следственный Комитет РФ и Генеральная прокуратура РФ признали его виновным и передали дело в суд.

Данная книга - субстрат наблюдений, осуществленных политологом изнутри государственной системы. Это книга ни сколько о тюремной жизни, сколько о том как работает следственно-судебная система России. Это книга о методах фальсификации уголовных дел. Фальсификация уголовных дел в современной России — масштабная, сложившаяся практика. Завышение тяжести преступлений, приверженность судей негласным корпоративным нормам, а не закону приводят к тому, что тысячи людей отправляются в тюрьмы и лагеря.

Данная книга может свободно распространяться в электронном виде с указанием автора и издательства. Для распространения текста в бумажном виде массовым тиражем, необходимо получить согласие издательства «Самоопределение».

<https://www.samoopredelenie.info>
<https://www.facebook.com/samoopredelenie>

<https://freebuchenkov.info/>

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Глава 1. Арест: задача следователя — не дать задержанному воспользоваться своими законными правами	11
Глава 2. Помещение под стражу: «может скрыться», «уничтожить доказательства», «оказать давление на свидетелей».....	16
Глава 3. Игнорирование фактов, противоречащих версии следствия	21
Глава 4. Фальсификация следственных действий: опознание	27
Глава 5. Подготовка свидетелей обвинения к лжесвидетельству.....	30
Глава 6 «Секретный свидетель» — уникальная находка для фальсификаций.....	35
Глава 7. Фальсификация следственных действий: очная ставка	39
Глава 8. Фальсификация экспертизы.....	41
Глава 9. Нейтрализация доказательств защиты.....	47
Глава 10. Нейтрализация доказательств, подтверждающих алиби (продолжение).....	51
Глава 11. Бюрократические процедуры как метод нейтрализации действий защиты.....	55
Глава 12. Манипуляции следствия при ознакомлении обвиняемого с материалами дела	60
Глава 13. Манипуляции с обвинительным заключением.....	63
Глава 14 Образ российского полицейского в суде.....	68
Глава 15 Российский суд как система производства заведомо обвинительных приговоров.....	73
Глава 16. Отличительные черты российской следственно-судебной системы: показуха, равнодушие и формализм.....	77
Глава 17. Почему так происходит?.....	82
Глава 18. Что делать с такой системой?.....	87

Предисловие

«Государство есть действительность нравственной идеи», — писал немецкий философ Георг Гегель в своей книге «Философия права»(1). По мысли Гегеля, государство есть выражение божественной идеи, а право есть то, что регулирует отношения индивидов в государстве. Внимательное изучение реального функционирования государства наводит на мысль, что если государство и есть воплощение некоторой сверхъестественной силы, то сила эта совсем иного рода, и исходит она из противоположной стороны, нежели указывал Гегель.

Люди совершают преступления, попадают в руки правосудия, их судят и приговаривают к наказанию. Очевидно, что за антиобщественные действия следуют санкции, и автор не собирается оспаривать это, однако в реальной жизни происходит так, что осуществление государством функции по применению этих санкций настолько сильно преобразуется в процессе своего осуществления, что превращается в свою противоположность.

Гегель, конечно же, мистифицировал государство. Недостатки последнего он объяснял всего лишь тем, что «оно находится в мире, тем самым — в сфере произвола, случайности, заблуждения; дурное поведение может внести искажение во множество его сторон»(2). Явление, когда государственная организация оказывается не тем, что она сама о себе заявляет, может быть выявлено комплексом научных дисциплин, а не только философией. Явление, при котором у социальных групп, контролирующих государственную организацию, формируются и реализуются интересы, отличные от общественных, — это конкретное и фиксируемое социально-политическое явление.

Одним из способов, с помощью которых социальные группы, контролирующие государственную организацию, реализуют собственные интересы, является фальсификация уголовных дел. Происходит данная фальсификация в виде обвинения невиновных, посредством сознательного завышения тяжести преступлений (представление незначительных антиобщественных деяний как очень значительных) и другими способами. Реальное снижение числа преступлений может поставить под сомнение существование отдельных учреждений и лиц,

поэтому, чтобы такого не произошло, эти лица изобретают преступления — и это, так сказать, лежит на поверхности. В более же широком смысле фальсификация уголовных дел является стихийно сложившимся методом ведения дел государством и одновременно с этим — способом реализации государственного интереса в плане обеспечения безопасности правящего класса и сохранения его господства. Подавление в современном обществе всегда маскируется в замысловатую юридическую форму.

Георг Гегель в своем труде ни разу не упомянул, что существует такое приземленное явление, как государственный бюджет. Из этого бюджета получают заработную плату десяткитысяч людей, называемых чиновниками. Эти люди имеют вполне резонное желание продолжать получать эту зарплату, а потому и вынуждены порой приукрашивать свою деятельность и выдавать желаемое за действительное. Кроме бюджета существует государственная власть, которую люди, ею обладающие, стремятся удержать.

Присмотримся же к этому предмету — российской государственной организации. Государственная организация — явление неоднозначное и противоречивое. С одной стороны, оно пытается исполнять общественные функции, а с другой — одновременно с этим реализует интересы тех социальных групп, которые захватили государственную организацию или отдельные ее учреждения. Вот цитата из информационного сообщения агентства «ТАСС»:

«Следственными органами СКР по Санкт-Петербургу возбуждено уголовное дело по материалам, представленным УСБ ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области по признакам преступления, предусмотренного п. “а” ч. 3 ст. 286 УК РФ (“Превышение должностных полномочий”)...

По версии следствия, в апреле этого года заместитель начальника 20 отдела полиции УМВД России по Выборгскому району Санкт-Петербурга и четыре оперуполномоченных уголовного розыска вступили в преступный сговор для создания видимости эффективной работы по выявлению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических веществ.

Так, фигуранты дела избили потерпевшего и принудили его к оказанию им помощи в фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности.

“26 апреля 2017 года два оперуполномоченных в отделе полиции передали местному жителю пакет с психотропным веществом — амфетамином — массой 1,51 г, который он должен был оставить в тайнике у одного из

домов по улице Смолячкова, после чего приискать лицо, которое должно было его приобрести, после чего быть незаконно привлечено к уголовной ответственности”, — отмечается в сообщении.

Задуманное им совершить не удалось — подозреваемые были задержаны сотрудниками УСБГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области»(3).

Обыденность, с которой написано данное сообщение, не может не настораживать и наводит на мысль, что подобные случаи — не редкость. Кроме того, это случай, ставший достоянием общественности, а ведь наверняка многие из подобных остались в тени. Одна часть государственной машины пытается осуществлять что-то социально значимое, другая же — ровно противоположное. Одна часть борется с коррупцией, другая ее порождает и культивирует.

В период с 2015 по 2016 год привлечены к уголовной ответственности и арестованы четыре губернатора: губернатор Сахалина Александр Хорошавин, глава Республики Коми Владимир Гайзер, губернатор Кировской области Никита Белых и глава Республики Удмуртия Александр Соловьёв. В период с 2013 по 2016 год привлечены к уголовной ответственности 25 мэров городов (4).

Также за последние пятнадцать лет привлечены к уголовной ответственности следующие крупные чиновники: руководитель Федерального фонда обязательного медицинского страхования Андрей Таранов, министр обороны Анатолий Сердюков, глава Федеральной службы исполнения наказаний Александр Реймер, министр экономического развития Алексей Улюкаев, министр атомной энергетики Евгений Адамов, заместитель министра сельского хозяйства Алексей Бажанов, министр путей сообщения Николай Аксёненко, заместитель министра культуры Григорий Пирумов, заместитель руководителя Федерального агентства по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству Андрей Шишкин и т.п.

Редко какая-либо стройка федерального масштаба происходит без возбуждения уголовных дел. Строительство космодрома Восточный — уголовные дела(5), строительство сооружений на федеральной границе — уголовные дела(6), строительство объектов для Олимпиады в Сочи в 2014 году — уголовные дела(7), строительство моста на остров Русский — уголовные дела(8), строительство стадиона «Зенит-арена» в Санкт-Петербурге — уголовные дела(9) и так далее.

Любая крупная стройка в России «обрастает» уголовными делами. При этом мы отказываемся от комментариев относительно того, действительно ли виновны эти люди или нет. Узнав на собственном опыте, по каким принципам работает российская правоохранительная система, несложно усомниться в ее объективности.

Отметим также, что нередки случаи возбуждения уголовных дел по отношению к тем, кто призван бороться с преступлениями. Вот полицейские, которые были привлечены к уголовной ответственности и арестованы за последние несколько лет: руководитель Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД РФ Денис Сугробов, старший следователь по особо важным делам СК Александр Сорокин, заместитель начальника управления «Т» Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД РФ Дмитрий Захарченко, заместитель главы СК РФ по Москве Денис Никандров, сотрудники службы безопасности СК РФ Михаил Максименко и Александр Ламонов и так далее. Официальный представитель СК РФ Владимир Маркин по поводу ареста своих коллег прокомментировал: «Работа по самоочищению будет продолжаться»(10).

Относительно многих из подобных уголовных дел бывает не всегда понятно: действительно ли это так называемая борьба с коррупцией или же просто демонстративные акции, приуроченные к политической повестке дня. Анализируя деятельность государства по борьбе с коррупцией, нетрудно сделать вывод, что коррупция есть фактор, который снижает легитимность правящей элиты в глазах общества. Безусловно, осознавая это, элита пытается на протяжении уже многих лет устранить данный фактор, однако это у нее не получается. Более того, проводя демонстративные акции по борьбе с коррупцией, правящий класс невольно достигает и обратную цель — наоборот, в глазах общества лишний раз демонстрирует свою коррумпированность. В целом, следует сделать вывод, что борьба с коррупцией в России зашла в тупик и напоминает чем-то загадку древнегреческого философа Зенона о том, что «Ахилл не догонит черепаху». Борьба с коррупцией вроде бы ведется, но чем больше она ведется, тем больше видна ее неэффективность. Создается впечатление, что чем больше говорят «о борьбе с коррупцией» с высоких трибун, тем больше государство в ней утопает.

Неэффективность этой борьбы находится в самой сути российской государственной организации. Эта организация масштабна,

неповоротлива, работает на основе имперско-бюрократического мышления, противопоставляя себя обществу. Фальсификация уголовных дел и правосудия в целом, организация политических преследований для этой организации совсем не новшество — методы фальсификации отработывались в этой организации веками.

Русский революционер и писатель XIX века С.М. Степняк-Кравчинский в книге «Россия под властью царей» приводит характерный пример одного из приговоров в отношении революционеров 1870-х годов. Начальство во что бы то ни стало хотело услышать смертный приговор, но, исходя из деяний революционеров и тогдашнего законодательства, приговорить к смерти их было нельзя. Однако «правоохранители» выкрутились: они объединили общее количество деяний, вмененное группе революционеров в целом, пришли к выводу, что все деяния в совокупности заслуживают смертной казни, и вынесли смертный приговор каждому в отдельности (11).

Не изменилась ситуация и после революции 1917 года, после которой государственно-репрессивная машина была восстановлена в полном объеме. Десятилетние, двадцатипятилетние срока, смертные приговоры выносились в 1930–1950-е годы просто за неосторожное высказывание о политике правительства. Впоследствии государственная организация признала факт политических репрессий, тысячи осужденных были реабилитированы, однако никто из массы следователей, судей и других чиновников не понес наказания за неправомерные приговоры. Наказаны были лишь отдельные личности, причем не в силу закона, а в силу сложившейся политической конъюнктуры.

Данная книга — это попытка проанализировать с позиций политической социологии реальную работу той части государственной организации, которая отвечает за следствие и суд в современной России. Это не публицистическая книга, а скорее научный источник, субстрат наблюдений, осуществленных политологом изнутри государственной организации. В связи с увеличением политических репрессий, в пенитенциарной системе России в качестве заключенных оказывается много людей образованных, способных анализировать происходящее несмотря на репрессивное давление государства на них. При желании вы можете найти немало книг, в которых описываются в основном бытовые, личные или социологические моменты тюремного опыта. Чтобы не повторяться, автор решил уделить внимание именно политологической стороне вопроса. Пятнадцать месяцев жизни в тюрьме — возможно, не самый большой срок, чтобы

наблюдать все стороны тюремной жизни, но вполне достаточный для того, чтобы понять реальные принципы работы государственной организации, а не те принципы, которые декларируются в обществе.

Фальсификация уголовных дел в современной России — это масштабная, сложившаяся практика. Завышение тяжести преступлений, приверженность судей негласным корпоративным нормам, а не закону приводят к тому, что тысячи людей отправляются в тюрьмы и лагеря. Для того, чтобы понимать это, не нужно придерживаться никакой идеологии, не нужно быть анархистом, коммунистом, националистом или либералом — достаточно простого здравого смысла и общегражданской позиции. Дело заключается даже не в том, что автор данного текста подвергся репрессиям со стороны государства, дело не в личности автора, а в том, что десятки тысяч людей находятся в тюрьмах и лагерях, и многие из них находятся там потому, что следователи фальсифицируют уголовные дела, а судьи не желают вникать в них и «штампуют» схематичные приговоры.

1. Гегель Ф. Философия права. М., 1990. С. 279.
2. Гегель Ф. Философия права. М., 1990. С. 285.
3. Информационное Агентство России // <http://tass.ru/proisshestiya/4217912> (дата обращения: 01.12.2017).
4. Republic // <https://republic.ru/posts/68964> (дата обращения: 01.12.2017).
5. Lenta.ru // <https://lenta.ru/news/2016/11/17/again> (дата обращения: 01.12.2017).
6. Lenta.ru // <https://lenta.ru/news/2016/11/17/bezdelov> (дата обращения: 01.12.2017).
7. Сочи-экспресс // <http://www.sochi-express.ru/sochi/news/sochi/149332> (дата обращения: 01.12.2017).
8. Вести.Ru // <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1008144> (дата обращения: 01.12.2017).
9. Информационное Агентство России // <http://tass.ru/info/3788531> (дата обращения: 01.12.2017).
10. Новая газета // <https://www.novayagazeta.ru/news/2016/07/20/123393-markin-poobeschal-prodolzhit-rabotu-po-samoochischeniyu-sk> (дата обращения: 01.12.2017).
11. Степняк-Кравчинский С.М. Соб. соч. в 2 томах. Т. 1. М., 1987. С. 112–113.

Глава 1. Арест: задача следователя — не дать задержанному воспользоваться своими законными правами

Первые три дня после задержания — самая горячая пора для следователя. Именно в это время следователю нужно посылнее надавить на задержанного, чтобы получить от него нужные показания. Для того чтобы деморализовать человека, следователем используется всё: откровенная ложь, различные способы давления, манипуляции с законом. Важным также является лишить обвиняемого возможности воспользоваться своими законными правами, чтобы как можно дольше задержанный оставался в изоляции.

Когда человека неожиданно для него самого вдруг вырывают из повседневной жизни и помещают в изолятор, первое время он находится в состоянии психологического шока, а потом может наговорить лишнего. В любом учебнике по криминалистике вы сможете найти главу, называющуюся что-то вроде «Фактор внезапности при ведении следственных действий», и работники следствия это знают. Задержанный, напротив, не знает, что ему делать, как правильно себя вести, зато следователь подготовлен и манипулирует ситуацией как ему выгодно. Но обо всём по порядку.

В российской государственной организации решение об аресте и фактическое осуществление ареста разделены между двумя разными государственными учреждениями. Человек, к которому приходят полицейские и ограничивают его свободу, полагает, что именно они его и арестовывают, поскольку именно полицейские непосредственно надевают на него наручники, запихивают в машину и везут в следственный орган. В действительности полицейские лишь осуществляют задержание, фактически решение об аресте как мере пресечения суд. Между этим двумя этапами — этапом задержания и принятием решения о помещении задержанного в следственный изолятор (проще говоря, в тюрьму) — внутри государственной организации должно произойти несколько действий.

Во-первых, полицейские должны получить поручение от своего начальства о задержании конкретного лица. Задержание может производиться разными способами и под разными предлогами — начиная от обвинения, что «ругался матом на улице», и заканчивая тем, что гражданин «похож на разыскиваемого преступника». Предположения, которые озвучиваются

при этом, могут быть самими разнообразными и фантастическими. Главная задача полицейских — соединить задерживаемое лицо со следователем, то есть лицом, которое имеет право выступать в суде с ходатайством о помещении человека в тюрьму на период следствия.

Во-вторых, соответствующие должностные лица могут составить рапорт об обнаружении признаков преступления; в отношении конкретного лица могут предварительно проводиться так называемые «оперативно-розыскные мероприятия» (прослушивание телефонных переговоров, визуальное наблюдение и так далее); прежде чем задерживать лицо, может проводиться экспертиза. Одним словом, непосредственно перед задержанием и последующим арестом могут проводиться разнообразные подготовительные действия.

В-третьих, внутри следственного органа издается постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого; создается протокол задержания подозреваемого; подозреваемому вручают уведомление о том, что он может быть привлечен в качестве обвиняемого; создается протокол допроса обвиняемого. Далее все данные действия должны быть одобрены прокуратурой, в некоторых случаях — судом, а у обвиняемого должен быть адвокат, и только после этого его могут везти в суд.

Таким образом, действие по аресту конкретного лица сопровождается документооборотом государственной организации, то есть порождением множества разных бумаг и действий.

Основная задача должностного лица, каковым является следователь, — упростить данный процесс, нейтрализовать возможности задержанного воспользоваться своими правами, пользуясь шоковым состоянием человека и его незнанием процессуальных тонкостей.

Чтобы не дать возможность задержанному лицу воспользоваться своими законными правами, должностные лица используют следующие способы:

- 1) бюрократические уловки;
- 2) непредоставление возможности найти адвоката по соглашению;
- 3) введение в дело «своего» адвоката по назначению;
- 4) психологическое давление.

Бюрократической уловкой является, например, сложившаяся практика, когда следователь не предъявляет обвинение доставленному

гражданину сразу же, а, чтобы погасить бдительность, допрашивает сначала его в качестве свидетеля. Человек, которому объясняют, что он доставлен в качестве свидетеля, может психологически расслабиться, оговорить самого себя или оговорить других людей — по глупости или сознательно. После допроса в качестве свидетеля доставленному говорят, что теперь он подозреваемый, и тут же допрашивают в качестве подозреваемого, предъявляют обвинение, объявляют, что он теперь является обвиняемым и везут в суд, чтобы тот одобрил его помещение в тюрьму. Всё это происходит в течение 2–3 часов в кабинете следователя, а доставление в суд — в течение 48 часов после задержания.

Непредоставление возможности пригласить адвоката осуществляется несколькими способами.

При доставлении в следственный орган у задержанного изымают сотовый телефон. Как правило, доставленный или вообще не знает, как найти адвоката, или, если у него есть его контакты и они записаны в телефоне он не помнит их наизусть. Это первый способ.

Второй способ непредоставления возможности найти адвоката по соглашению. Доставленный сидит напротив следователя за столом, на котором стоит служебный телефон, и просит дать ему возможность позвонить адвокату или родственникам, но тот отвечает, что предоставит ему такую возможность, «только если тот во всём сознается».

Третий способ непредоставления возможности найти адвоката по соглашению — превращение допуска адвоката в сложную бюрократическую процедуру.

Допустим, родственники задержанного быстро находят адвоката, тот является к следователю, показывает ему адвокатское удостоверение и ордер, но следователь отказывается на них смотреть, обосновывая отказ тем, что «будет вводить адвоката в дело только официально». Должностное лицо (в данном случае — следователь) требует, чтобы все документы от адвоката ему были предоставлены «официально» через приемную следственного органа. От приемной следственного органа до следователя документы могут идти две недели, неделю следователь будет их «рассматривать», и еще неделю ответ от следователя будет идти до адвоката. Адвокат звонит следователю каждый день, но тот просто не берёт трубку.

Таким образом, процесс введения адвоката в дело может затянуться на срок до полутора месяцев, а за это время задержанный может психологически сломаться и дать нужные следствию показания. Превращение допуска адвоката в сложную бюрократическую процедуру — частая практика в России, которая используется как способ манипуляции с целью нейтрализовать право человека на защиту.

Предоставление адвоката по назначению — так называемого «государственного адвоката» является также эффективным способом, с помощью которого задержанный лишается возможности воспользоваться своими законными правами. Государственный адвокат по назначению приводится следователем, находится с ним в сговоре и является защитником лишь формально, а не фактически. Такой адвокат удобен следователю, поскольку, с одной стороны, норма закона соблюдена — у задержанного есть адвокат, — с другой стороны, данный адвокат работает ровно настолько, сколько ему платит государство, то есть очень мало. Удивительным здесь является также вот что: стоит только подозреваемому согласиться на адвоката по назначению, как тот вводится в уголовное дело практически мгновенно; но стоит подозреваемому начать упорно требовать себе адвоката по соглашению, как введение такого адвоката в дело может затянуться, как уже было сказано выше, на несколько недель.

Психологическое давление на задержанного с целью сломить его волю и принудить к даче признательных показаний производится разными способами. Это давление может производиться:

- а) посредством озвучивания угроз применения физического насилия;
- б) откровенной ложью о том, что «тебя все предали», «все на тебя показали», «проведешь остаток жизни в тюрьме»;
- в) путем применения насилия оперативными работниками или заключенными, работающими на администрацию мест заключения;
- г) посредством создания тяжелых условий содержания в изоляторе. Это частые переводы из одной камеры в другую, из одного централа в другой (на тюремном языке это называется «келешевать» или «поставить на лыжи»). Лишение корреспонденции, лишение свиданий и любых других способов общения с кем бы то ни было, кроме работников государственной системы, лишение передач с воли, дословное соблюдение правил внутреннего распорядка изолятора, помещение в карцер по любому поводу и так далее.

Одного моего сокамерника в первые дни после задержания поместили в камеру с уже осужденными, которые избивали его по

указанию полицейских, пытаюсь склонить к даче признательных показаний. Избиваемый признательные показания не дал, добился, чтобы его перевели в другую камеру, а потом его дело забрали московские следователи. В итоге его перевели в Москву (дело происходило в изоляторе «Горелово» Ленинградской области).

Другой мой сокамерник за два года изоляции во время следствия и суда три раза переезжал из СИЗО № 5 («Водник») в СИЗО № 2 («Бутырка») и обратно и сменил за это время около тридцати «хат». Переезды прекратились только после длительных и упорных действий адвоката и были ничем не обоснованы, кроме желания надавить на подследственного. Кто был в тюрьме, знает, что каждый переезд в другую камеру — это небольшой психологический стресс: человек только обживается в одном коллективе, приспосабливается к быту, а его тут же переселяют в другую, он обживается в третьей — его перекидывают в четвертую, и так далее. Переводы из одной камеры в другую происходят почти всегда, но они могут быть частыми только под давлением следствия или оперативников. Сотрудникам ФСИН, охраняющим подследственных, невыгодно, чтобы коллектив в камере слишком часто менялся или обновлялся. Им всегда проще взаимодействовать с уже устоявшимся коллективом, от которого они знают, что можно ожидать, чем взаимодействовать с неизвестными им арестантами, действия которых невозможно предугадать. Исключение в данном случае могут составлять только спецтюрьмы и спецрежимы, в которых, чтобы между арестованными «не формировались устойчивые связи», арестантов «келешуют» раз в месяц.

Глава 2. Помещение под стражу: «может скрыться», «уничтожить доказательства», «оказать давление на свидетелей»

По истечении 48 часов следственные органы обязаны отпустить задержанного или отвести в суд для избрания меры пресечения. Следственный орган издает постановление, которое называется «Постановление о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу» и приходит с этой бумагой в суд.

Сложившаяся практика российских судов такова, что самая жесткая мера пресечения — заключение под стражу по уголовным делам — избирается в большинстве случаев. Чтобы такая мера пресечения была избрана, нужна аргументация, и суд использует аргументацию, предоставленную следствием. Во всех подобных постановлениях по поводу меры пресечения данная аргументация одна и та же (взятая из Уголовно-процессуального кодекса), так что при изучении данных документов неизбежно формируется подозрение, что судьи не всматриваются в личность каждого конкретного человека, а просто заменяют в заранее подготовленных шаблонах номера уголовных дел, фамилии обвиняемых и номера статей.

Аргументация, которая озвучивается судом при избрании меры пресечения в виде ареста, в российских судах носит стандартный и формализованный характер. Это: обвиняемый «может скрыться от следствия», «оказать давление на свидетелей», «уничтожить доказательства», «продолжить заниматься преступной деятельностью».

Рассмотрим эту аргументацию подробно.

«Может скрыться от следствия».

Чтобы использовать аргумент «может скрыться от следствия», необходимо знать действия подозреваемого до задержания: сколько времени прошло с момента совершения действий, которые следствие считает противозаконными; знал ли обвиняемый, что по делу ведется уголовное производство; пытался ли скрыться или вел легальный образ жизни. Логика подсказывает, что подобные факты нужно приводить, однако следователи их не приводят, а суды не требуют. Например, автор данного текста был задержан якобы за участие в событиях на Болотной площади в Москве 6 мая 2012 года спустя 3 года и 8 месяцев после

этих событий. Следователи задержали меня почти через четыре года после этих событий, при том что я имел официальную работу, прописку, неоднократно выезжал за пределы России и возвращался обратно, неоднократно в ходе своей политической деятельности пересекался на уличных мероприятиях с работниками ЦПЭ, которые знают меня в лицо, и знал, что по «Болотному делу» более трех лет ведется уголовное производство. То есть фактические обстоятельства свидетельствовали о том, что я навряд ли скроюсь от следствия, но это суд не интересовало.

«Оказать давление на свидетелей».

Теоретически возможно, что человек, на которого заведено уголовное дело, может встречаться со свидетелями и путем угроз или просьб просит их изменить свои ранее данные против него показания. Однако чтобы такое утверждать, нужен зафиксированный факт контакта обвиняемого с реальными свидетелями. При этом, подчеркиваем, реальными свидетелями — а не формальными, так как в рамках уголовных дел часто признаются свидетелями люди, которые не были на месте совершения действий, трактуемых следствием как преступные, а являются, например, соседями обвиняемого, — которые дали на него характеристику и не могут оказать никакого влияния на существо дела. Но для российского суда вникать в подобные обстоятельства при мере пресечения высший пилотаж, на который он не способен. Поэтому аргумент, что задержанный может «оказать давление на свидетелей», носит исключительно предположительный характер. Защита иступленно опровергает аргументы следствия, защищаемый клянется, что никого давить не будет, но судья сонно слушает и выносит постановление: поместить в тюрьму.

«Уничтожить доказательства».

Уничтожить доказательства теоретически тоже можно, однако как поступать, когда все доказательства по делу давно собраны, а сторона обвинения в суде всё равно утверждает, что обвиняемый может «уничтожить доказательства»? Например, в случае с автором этого текста за три года следствия все доказательства по делу почти четвертый год лежали в здании Следственного комитета на Техническом переулке, а перед задержанием прошли обыски в пяти местах и всё, что следствие посчитало нужным изъять, было изъято. Однако при ходатайстве о мере пресечения в виде ареста данный аргумент всё равно озвучивался следствием. Реальные обстоятельства не учитывались, не рассматривались, а суд и следствие действовали по заранее отработанной, стандартной схеме Просто потому, что так сложилось и что нет желания вникать.

«Продолжит заниматься преступной деятельностью».

Логично рассудить, что лучшим доказательством того, что обвиняемый в случае мягкой меры пресечения может «продолжить заниматься преступной деятельностью», является то, что он уже ранее привлекался к уголовной ответственности. Однако разумные доводы редко работают в российских судах. Аргументация суда выставляется по принципу «как бы чего не вышло». Реальные основания для решения государственного органа носят предположительный характер.

Наконец, еще один аргумент, который используется российскими судами при помещении под стражу, когда обвиняемый говорит, что он невиновен и не имеет отношения к тем действиям, которые ему предъявляют, — это лицемерное заявление о том, что в задачи суда не входит рассмотрение дела по существу и что в данном случае рассматривается вопрос лишь о мере пресечения. Суд принимает решение о помещении человека в тюрьму на период следствия; следствие идет полгода, год, полтора и так далее. Отказываясь вникать в суть вопроса, суд тем самым делает человека заведомо виновным и поступает по классическому принципу российской чиновничьей государственности, о котором еще в XIX веке писал И.А. Гончаров: «Он до того был беспристрастен, что вовсе не думал, например, что могут быть лица, которые пойдут по миру прежде, нежели возвратится справка из Красноярска,— Фемида должна быть слепа» (1).

Таким образом, государственная организация в лице суда почти всегда принимает сторону следствия, аргументация которого носит фантастический, теоретический характер и не принимает аргументацию защиты и обвиняемого, которая носит более приближенный к реальности и аргументированный характер.

С точки зрения политологии это позволяет нам утверждать, что характер взаимодействия российского государства и граждан построен по принципу неравенства позиций. Обвиняемый, несмотря на формально закрепленную в законодательстве позицию невиновности, имеет более низкий статус в рамках данного взаимодействия, чем статус должностных лиц (следователей, прокуроров и судей). Судьи, прокуроры и следователи не являются избираемыми, они не представляют никого, кроме своего учреждения. Утверждение о том, что данные должностные лица выполняют общественные функции, не выдерживает никакой критики, поскольку реальное рассмотрение вопроса показывает нам, что они

назначаемые лица, а то, что, допустим, избираемый президент назначает главу МВД или Следственного комитета, который в свою очередь назначает себе начальников, а те назначают еще начальников — пониже, — является представительством представителей в минус десятой степени и, разумеется, никаким представительством интересов народа не является.

Кроме перечисленной аргументации, которую приводят государственные чиновники для того, чтобы поместить человека в тюрьму на период следствия, используется также такой простой и очевидный способ, как игнорирование сведений, вызывающих сомнение в виновности обвиняемого. Автора данного текста задержали по уголовному делу 2 декабря 2015 года. На следующий день — 3 декабря 2015 года — следователи СК РФ получили рапорт о результатах проведения оперативно-розыскных мероприятий, который подтверждал мои показания, данные 2 декабря 2015 года, о том, что меня не было на Болотной площади в Москве и что я уезжал на своем автомобиле в Нижний Новгород (2). В рапорте указано, что 5 мая 2012 года мой автомобиль был зафиксирован на выезде из Москвы в сторону Нижегородской области — три раза, а 8 мая 2012 года, когда я возвращался в Москву, был зафиксирован камерами 5 раз на въезде в Москву. Однако, несмотря на эти данные, следователь СК РФ А.С. Добарин вышел в суд с ходатайством о том, чтобы поместить меня в СИЗО по вышеназванным аргументам, естественно, скрывая от суда полученные результаты оперативно-розыскных мероприятий.

Почему так происходит? Почему следователь скрывает данные, подтверждающие невиновность? Это происходит не только потому, что над следователями по-прежнему довлеет отчетная («палочная») система раскрываемости преступлений и эффективность их работы оценивается только по делам, переданным в суд, по которым обвиняемый был осужден, но и потому, что работа государственной следственно-судебной системы в России построена по принципу формализма, плана и отчетности, при котором реальное или фактическое состояние дел, значения не имеет. Критерии, применяемые для оценки работы государственного учреждения и следствия в частности, носят формальный, зачастую абсурдный характер, никоим образом не отвечающий потребностям общества. Государственная организация, особенно таких больших масштабов, как в России, неповоротлива, поверхностна, забюрократизирована, а люди, работающие в ней, руководствуются не принципами общественной полезности, а корпоративными государственными принципами, сохраняющими и поддерживающими государственность и ее самодостаточность от

общества.

Следователей же в данном случае можно разделить на две категории: тех, которые производят фальсификации лишь постольку, поскольку такова сложившаяся практика их работы, и тех, которые делают это с энтузиазмом, с радостью, с желанием выслужиться. Первые достойны сожаления, вторые — наказания.

1. Гончаров А. Проза. М., 1986. С. 164.

2. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 37.Л. 58–62.

Глава 3. Игнорирование фактов, противоречащих версии следствия

Распространенным способом, позволяющим фальсифицировать уголовные дела, является простое игнорирование фактов, противоречащих версии следствия. Это обосновывается глубокомысленной фразой из УПК, что следователь «самостоятельно направляет ход следствия». Конечно, в этом же УПК сказано, что следствие обязано проверять факты, свидетельствующие о невиновности обвиняемого. Однако в реальной практике в России эта «проверка» вырождается в способ нейтрализовать такие факты или представить их как несущественные.

В случае с автором данного текста наиболее очевидными были следующие факты.

Во-первых, показания участника экологического и гражданского движения Москвы Ярослава Никитенко, который случайно был сфотографирован в полуметре от человека, действия которого мне вменяли, и показывал, что рядом с ним на этих фото не Бученков Д.Е.

Во-вторых, показания моих родственников, которые свидетельствовали, что 6 мая 2012 года я был у них в гостях в Нижнем Новгороде.

В-третьих, дневник моей сестры, в котором была запись о том, что 6 мая 2012 года я был в Нижнем Новгороде.

В-четвертых, показания других моих знакомых, которые были на Болотной площади 6 мая и показали, что не видели меня там.

В-пятых, данные ДПС, видеокамеры которых в период с 5 по 8 мая 2012 года зафиксировали мой автомобиль в Москве и на трассе, ведущей в сторону Нижнего Новгорода восемь раз.

В-шестых, факт обнаружения видеофайлов, на которых было видно, что обвиняемый и человек, запечатленный на видео, — совершенно разные люди.

В-седьмых, мои письма по электронной почте, отправленные за несколько дней до митинга 6 мая 2012 года, в которых я сообщал, что не пойду на

этот митинг, так как уеду из Москвы в эти дни.

Все эти факты формируют железное алиби обвиняемого, и любое следственное подразделение обязано было бы закрыть дело за отсутствием события преступления. Но у российских следователей целью является не поиск истины, а выполнение плана.

Показания эколога Ярослава Никитенко следствие нехотя взяло спустя пять месяцев после моего нахождения в следственном изоляторе. Особенность и ключевая роль данного свидетеля — в том, что он мирно участвовал в событиях на Болотной площади в Москве 6 мая 2012 года и оказался запечатлен на множестве фотоснимков рядом с человеком, действия которого мне вменяли.

Ярослав Никитенко заявил на допросе, что некоторое время находился рядом с человеком, действия которого вменяли Бученкову Д.Е., что с Бученковым он был знаком до этого минимум полтора года и может с полной уверенностью сказать, что человек на фото и Бученков — разные люди (1). Кроме Ярослава в рамках официального расследования дали показания о том, что я отсутствовал на Болотной площади, семь человек, однако данные показания были проигнорированы Следственным комитетом РФ и Генеральной прокуратурой РФ.

Подобное поведение должностных лиц вызвано не только тем, что показания потерпевших полицейских значительно важнее, «объективнее» и перевешивают показания обычных граждан. Нет, предпочтение показаний полицейских показаниям других граждан — это сложившаяся практика, являющаяся последствием упомянутого неравенства позиций, но кроме этого, есть одно явление, позволяющее государственным чиновникам учитывать мнения прежде всего тех лиц, которые по роду занятий являются им более близкими, чем иные лица. Это — корпоративная солидарность.

Принадлежность людей к одной социальной группе, к одному роду занятий, имеющих между собой некоторое сходство, неизбежно порождает чувство сопереживания. Тем более когда данные люди выступают в качестве потерпевших, свидетелей, а общественное мнение и общий политический фон способствуют некоторой психологической сплоченности (по данным ВЦИОМ, более половины опрошенных граждан России не доверяют полицейским (2)). Государственная организация мобилизует людей, формируя из них отдельные социальные группы, объединяющиеся в итоге

в отдельный класс государственных служащих — начиная от рядового полицейского и заканчивая высшими слоями государственной бюрократии.

Помимо корпоративной солидарности, другой момент, позволявший должностным лицам не учитывать «неудобные» показания свидетелей защиты, — это монополия на объективность. Монополия на применение силы, закрепленная за государственной организацией, позволяет полагать должностным лицам, что они обладают монополией на истину и являются непогрешимыми. Не являясь непогрешимыми, они выработали в себе непреклонность, на которой основывается идеология антиобщественной российской государственности. Нежелание и неспособность к диалогу, имперско-государственнический тип мышления, являющийся архаизмом и пережитком, формируют стереотип о том, что «органы не могут ошибаться».

Ситуация, перед которой оказалось следствие, в моем случае была следующая. В ходе предварительного следствия мои родители, брат и сестра показали, что 6 мая 2012 года я находился в Нижнем Новгороде. Моя сестра Бученкова Н.Е. в качестве доказательства представила свой дневник, в котором за несколько лет до моего ареста была сделана и сохранилась запись о том, что я 6 мая 2012 года был в Нижнем Новгороде.

Допустим, с точки зрения следствия мои родственники сознательно меня выгораживали. Однако кроме них в ходе предварительного следствия дали показания еще четыре человека, которые не являются моими родственниками, которые были на Болотной площади и показали, что не видели меня там (Ярослав Никитенко, Л. А., П. М., К. Ю.). Эти люди, в отличие от полицейских, по их словам, видевших меня на Болотной площади первый раз, но «уверенно опознавших» меня спустя почти четыре года, были со мной знакомы несколько лет до событий на Болотной.

Кроме показаний свидетелей и дневника сестры были обнаружены видеофайлы (об этом подробнее в других главах), явно подтверждающие мое алиби, однако, когда необходимо, российское государство притворяется глухим, слепым и занимает официально-лицемерную позицию рыночного зазывалы. Покупатели говорят, что рыба гнилая, а он продолжает оглашать рыночную площадь: «рыба свежая, хорошая, покупай — не скупись...»

Кроме показаний свидетелей, следствие в России всегда имеет возможность с успехом игнорировать и иные доказательства невиновности обвиняемого, и может осуществлять это как минимум тремя способами.

Первый способ — отказываться приобщать к уголовному делу материалы, противоречащие версии следствия, и делать это под разными бюрократическими предлогами.

Второй способ — если данные материалы по недосмотру оказались уже приобщены к уголовному делу в качестве доказательств, просто не замечать их.

Третий способ — упорно не замечать сведения, предоставляемые экспертами или результатами оперативно-розыскной деятельности.

Приведу три примера из своего собственного опыта.

Пример первый. Меня задержали спустя 3 года и 8 месяцев после событий на Болотной площади в Москве 6 мая 2012 года. Подтверждением моего алиби могли бы быть биллинги телефонных соединений, которые я совершал, находясь 5–8 мая 2012 года в Нижнем Новгороде. Разумеется, данные о телефонных соединениях не хранятся столько времени у телефонных операторов, но кроме телефонных операторов при МВД существует структура, называемая Бюро специальных технических мероприятий (БСТМ), занимающаяся прослушиванием телефонных переговоров граждан, чтением их писем и так далее. Через четыре месяца после моего задержания следователи получили письмо, в котором специалисты данного бюро сообщили, что «имеют техническую возможность предоставить информацию о телефонных соединениях за последние три года» (3). Следствие никак не отреагировало на данное сообщение — во всяком случае, в материалах дела какая-либо реакция никак не отразилась.

Пример второй. Следователи пытались выяснить, выходил ли я в сеть Интернет у себя из дома в период с 3 по 8 мая 2012 года. С этой целью ими был допрошен руководитель коммерческой фирмы, предоставлявший выход в Интернет мне и моим соседям, который пояснил, что в 2013 году он продал сеть другой коммерческой фирме, но сервер с биллинговыми данными абонентов всё равно остался в их собственности, отключен в 2013 году, не используется, и он может предоставить этот сервер следствию. Руководитель данной фирмы дал даже контакты своего бывшего сотрудника, который мог бы помочь следствию, однако следователи, вероятно, сделали вид, что не услышали данных показаний, и никаких дальнейших действий, чтобы установить, когда я выходил, а когда не выходил в сеть, не последовало (4).

Данные сведения могли бы быть существенными, поскольку следствие вело расследование в отношении лично меня спустя почти четыре года после событий на Болотной, часть биллинговых электронных данных уже утрачена — операторы не обязаны их хранить столько времени по закону, а тут следователям говорят, что, несмотря на давность времени, данные биллинговых соединений, скорее всего, сохранились, а они никаких действий не предпринимают. Никакой реакции от следствия, отраженной в материалах дела, по этому поводу не присутствует.

И пример третий. Оперативные работники МВД предоставили в распоряжение следствия мою переписку по электронной почте за несколько лет. Никаких сведений, доказывающих мое участие в событиях 6 мая 2012 года, они оттуда не почерпнули. Следователи только с большой натяжкой пытались представить мою подготовку к Первомайской демонстрации — 2012 как подготовку к «Маршу миллионов» 6 мая 2012 года. Всё это было сделано топорно и выглядело крайне сомнительно. При этом в той же переписке, на том же самом диске, который оперативники принесли следователям, и те с радостью приобщили его к материалам уголовного дела, следователи сознательно не заметили два письма.

Первое электронное письмо от 3 мая 2012 года, отправленное мной, со словами «Привет. Весь рюкзак я оставил в иц.Звони Вове, это его рюкзак, просто я уезжаю почти на 2 недели», подтверждающее мои показания о том, что меня не было 6 мая 2012 года в Москве. Второе электронное письмо от 14 мая 2012 года, отправленное мной, со словами «Всем привет. Могу сделать на оккупаи абай доклад, что-то вроде “Политическая ситуация в Греции и автономное движение. В выходные, например, есть смысл делать такой доклад? Я фактически на десять дней выпал из событий в России, приехал сегодня. На Чистых еще не успел побывать, имею представление о том, что там происходит, только из того, что прочел в Интернете», подтверждающее, опять же, мои показания о том, что меня не было 6 мая 2012 года в Москве.

Эти письма, естественно, были следователями запрятаны глубоко и подальше. Они их не распечатали и не подшили в материалы уголовного дела и уже тем более не рассказали о них в Обвинительном заключении, представленном в суд. И это не только мой случай.

Это делается повсеместно — регулярно тысячи людей отправляются в тюрьмы из-за такой бюрократической методики. Это сложившаяся практика российской государственности.

1. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 25. Л. 132–162.
2. ВЦИОМ, Пресс-выпуск № 3239 // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115938> (дата обращения: 02.12.2017).
3. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 37. Л.123.
4. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 27. Л.143–145.

Глава 4. Фальсификация следственных действий: опознание

Опознание является наиболее важным следственным действием, которое формирует доказательную базу следствия. К нему следователь готовится по возможности тщательно — готовится сам и готовит свидетелей и потерпевших. Один российский адвокат, сам являющийся бывшим следователем, в статье «Шалости следствия» (1) довольно точно описал различные способы фальсификации следственных действий. Прочитав в свое время эту короткую заметку, я понял, что фальсификация процедуры опознания следствием — нередкая практика. Опираясь на эту статью и свой собственный опыт последственного, опишем способы фальсификации процедуры опознания.

В кабинет следователя приводят подозреваемого и статистов. Статисты — это, как правило, два человека, взятые с улицы и хотя бы приблизительно похожие на подозреваемого. Статисты и подозреваемый выстраиваются в кабинете следователя в один ряд, им раздают листы с порядковыми номерами, следователь фиксирует в протоколе, что подозреваемый такой-то взял лист с номером таким-то, и дальше происходит самое интересное.

Первый способ фальсификации опознания — сообщение порядкового номера подозреваемого следователем. Следователь выходит из кабинета и приглашает в него потерпевшего или свидетеля. Данных нескольких секунд вполне достаточно, чтобы сообщить ему порядковый номер или особую примету подозреваемого. Потерпевший входит в кабинет и после некоторой паузы «уверенно опознаёт» обидчика. В моем случае в ряде опознаний потерпевшего или свидетеля вызывал сам следователь или оперативный работник.

Второй способ фальсификации опознания — сообщение порядкового номера подозреваемого оперативным сотрудником или адвокатом по назначению. Во время процедуры опознания в кабинет следователя как бы невзначай и как бы по делу могут заходить его коллеги или другие лица, которые могут зайти, тут же выйти и сообщить потерпевшему особые приметы или порядковый номер подозреваемого. В моем случае во время опознания 2 декабря 2015 года в кабинете следователя всё время находились посторонние лица — сотрудники Центра противодействия экстремизму, не имеющие отношения к данным следственным действиям,

— которые время от времени выходили курить, звонить по телефону или еще зачем-то в коридор.

Нетрудно догадаться также, что при высоком уровне развития современных средств связи ту же самую информацию можно сообщить по телефону с помощью электронного мессенджера, использующего шифрование, или же ничего не пересылать, а просто показать опознающему фотографию на телефоне.

Третий способ фальсификации опознания — намеренное неустранение характерных признаков подозреваемого, подтверждающих, что именно он является подозреваемым. Согласно давно сложившейся традиции российских ИВС и СИЗО, у вновь прибывших арестантов работники ФСИН с особым злорадством выдергивают из обуви шнурки, из штанов — ремни, из одежды — различные веревки и металлические вставки. Подозреваемый на опознании находится в обуви без шнурков или со шнурками, сделанными из подручных средств, что всегда бросается в глаза, а потому опознающему не составит труда указать именно на него. В моем случае потерпевший полицейский Юшков В.А. откровенно признался на суде 19 июля 2017 года, что во время процедуры опознания «Бученков Д.Е. был в тапочках», при том, что на дворе был декабрь. Нетрудно сделать вывод, что если двое из троих обуты в нормальную зимнюю обувь, а третий стоит в тапках, то этот третий как раз и является «преступником».

Еще проще обстоит дело, если подозреваемый хотя бы два месяца находится в СИЗО. Кем бы человек ни был на воле, при длительном пребывании в тюрьме он приобретает характерные черты. Как правило, это более бледная кожа, спортивная застиранная одежда, ожесточенный взгляд и так далее.

Четвертый способ фальсификации опознания — предварительная демонстрация видеозаписей или фотографий подозреваемого. До того, как будет проходить опознание, следователь вызывает на допрос потерпевшего/свидетеля, в ходе которого показывает ему видео или фотокадры. «Все предосторожности не стоят и ломаного гроша, если оперативник и следователь показали накануне опознающему фотографию лица, в опознании которого они заинтересованы» (1), — указывает бывший следователь Галкин К.С.

В моем случае на суде почти все потерпевшие полицейские

спокойно признавались, что до опознания им демонстрировалось видео. Признались в этом Моисеев Д.А., Штолин И.В., Николаев С.А.

Пятый способ фальсификации опознания — предварительная психологическая подготовка потерпевшего/свидетеля. Порой недостаточно потерпевшему просто показать фотографию — его нужно подготовить к процедуре опознания.

«Потерпевший или свидетель заинтересован в том, чтобы обидчик или, соответственно для свидетеля, нарушитель спокойствия “сел, а следователя в первую очередь может интересовать создание железобетонной доказательственной базы (...) Потерпевший/свидетель почти всегда готов опознать того, на кому ему укажут “органы, так как помнит опознаваемое лицо почти всегда плохо, но при этом уверен, что полиция невиновного ему не представит. Оперативник и следователь с опытом, как в отдельности, так и совместно, легко внушат потерпевшему такую ненависть к якобы обидевшему его лицу, что он воспримет подсказку с благодарностью и как нечто само собою разумеющееся» (1).

Об этом пятом способе смотрите отдельную главу, которая называется «Подготовка свидетелей обвинения к лжесвидетельству».

Кроме описанных способов, существуют и другие, более мелкие. Например, следователь позывает шариковой ручкой, лежащей у него на столе, в сторону того, кого необходимо «опознать». Поворачивает голову в сторону подозреваемого, нажимает необходимый порядковый номер на клавиатуре компьютера или подает иные заранее оговоренные знаки.

1. Галкин К.С. Шалости следствия. Опознание // <https://pravorub.ru/articles/45313.html> (дата обращения: 31.11.2017).

Глава 5. Подготовка свидетелей обвинения к клевете

Уголовные дела, в которых с момента события преступления прошло много времени, следователи в своих бюрократических документах обозначают как дела «особой сложности». Проблема, которую чиновникам предстоит преодолеть, — это противоречивость показаний потерпевших и свидетелей. С момента события, которое государство считает преступным, допустим, прошел не один год, и свидетели просто уже не помнят всех деталей, не уверены в своих показаниях, а потому задача следствия — создать видимость уверенности свидетелей и потерпевших в своих показаниях.

В моем случае меня интересовало два вопроса.

Первый вопрос. Меня задержали спустя 3 года и 8 месяцев после событий на Болотной площади. Если даже допустить, что я там был, то как меня могли «опознать» полицейские, которые:

- а) 6 мая 2012 года видели меня первый раз в жизни;
- б) видели меня при большом скоплении народа и в очень беспокойной обстановке;
- в) видели меня сквозь стекло защитного шлема, сбоку или даже со спины (по показаниям некоторых из них);
- г) после событий на Болотной площади в течение более чем трех лет ни разу со мной не встречались;
- д) у человека, действия которого мне вменяют, пол-лица были закрыты козырьком кепки и капюшоном.

Второй вопрос. Я знаю, что меня не было 6 мая 2012 года не только на Болотной площади, но и в Москве. Какую предварительную работу с потерпевшими полицейскими и свидетелями-полицейскими должно было провести следствие, чтобы они «уверенно опознали» меня спустя почти четыре года?

По своей сути работа следствия в данном случае заключается в придании неочевидным фактам видимость очевидности, то есть в фальсификации доказательств. Все потерпевшие и свидетели в эпизодах «Болотного дела», которые инкриминировали мне, Бученкову Д.Е., сотрудники полиции. Когда я участвовал в первом опознании 2 декабря 2015 года и держал в руках листок бумаги с распечатанной на нём цифрой, я смутно подозревал, что участвую в организованной фальсификации и пока

не смогу ничего ей противопоставить. Одной частью своего сознания я понимал, что с точки зрения обыкновенной логики задержать меня не должны — «ведь я-то знаю, что меня не было на Болотной», — но другая, более адекватная часть моего сознания, сформировавшаяся в условиях российской действительности, подсказывала мне, что всё это надолго и что быстро от всего этого я не отделаюсь, что бы я ни сказал.

Задача чиновников, работающих в следствии, заключается в том, чтобы создать свидетелей и потерпевших уверенность в собственных показаниях. Один из способов, с помощью которого это делается, следующий.

Когда есть видеозаписи (а в «Болотном деле» видеозаписей очень много), то сформировать такую уверенность несложно. Потерпевший рассказывает, что три года назад неизвестный человек ударил его два раза, и он был оскорблен и возмущен этим. Следователь показывает видеозаписи, на которых видно, как некий человек в черном капюшоне наносит потерпевшему удары, потерпевший узнаёт себя. Следователь торжественно объявляет потерпевшему, что «мы нашли этого преступника», показывает фотографии «преступника», на которых прослеживается некоторое сходство, а дальше уже дело техники. То есть посредством предварительной демонстрации видеозаписей, сопровождающейся со стороны следователя соответствующими комментариями («мы уверены: это он», «есть явное сходство», «форма лица похожа» и так далее), у потерпевшего или свидетеля формируется уверенность в своих словах. В данном случае всё зависит от хитрости, изобретательности и «творческого подхода» следователя, который, кстати, не несет никакой ответственности. Ведь это же не он дает показания, ведь это же не он оклеветал — он всего лишь записал в протоколе то, что ему рассказали. И это только один из приемов фальсификации, когда дело — «особой сложности». Неоднозначность, противоречивость и неустранимые сомнения устраняются такими изворотливыми способами, за которые в итоге следователи получают поощрения от начальства, повышение по службе, а невиновный человек отправляется на несколько лет в тюрьму.

В случае с моим уголовным делом «особую сложность» для следователей, как я предполагаю, представляли показания некоторых полицейских, которые за месяц-два до очной ставки или опознания заявляли, что «прошло много времени» и они навряд ли «смогут кого-либо опознать», или же заявляли, что вообще ничего не видели. Из четырнадцати полицейских, привлеченных лично в отношении меня в качестве свидетелей или

потерпевших, семь говорили, что «не помнят» или «не видели».

Потерпевший полицейский Миненок П.П. в ходе допроса 26 ноября 2015 года дважды заявил, что «не сможет опознать человека, действия которого инкриминируют Бученкову Д.Е.», так как «прошло много времени, и его черты лица просто забыл» (1) и что «черт лица не запомнил, опознать не смогу» (2).

Потерпевший полицейский Зубарев М.В. в ходе допроса 12 ноября 2015 года относительно человека, действия которого мне вменяли, заявил, что «черт лица не помнит и опознать его не может» (3).

Потерпевший полицейский Прохоров А.С. в ходе допроса 15 июля 2015 года относительно человека, действия которого мне инкриминировали, заявил, что «вживую этих событий не видел» (4). То есть во время событий на Болотной площади в Москве 6 мая 2012 года потерпевший Прохоров А.С. не видел, как человек в черной кофте и кепке с зеленым козырьком, действия которого мне приписывало следствие, нанес ударной рукой сотруднику полиции. Данные действия демонстрировались Прохорову А.С. на видеозаписи, и очевидно, что данные действия Прохоров сравнивал не с реальными событиями, а с событиями на видеозаписи не очень хорошего качества.

Потерпевший полицейский Моисеев Д.А. в ходе допроса 26 ноября 2015 года относительно человека, действия которого мне инкриминировали, дважды заявил, что:

«прошло довольно много времени, черт лица данного молодого человека я не помню, поэтому опознать не смогу» (5), «черт лица не помню, опознать не смогу» (6).

Полицейский Скворцов В.В., проходящий как свидетель в ходе допроса 29 октября 2015 года, показал, что он сам не видел, как человек, похожий на Бученкова Д.Е., нанес неизвестному ему сотруднику полиции удары, а видел это только на видео. Из этого возникает резонный вопрос: как вообще данный человек мог быть привлечен в качестве свидетеля? Если исходить из этой логики, то видео, приобщенное к уголовному делу, можно показать любому, а потом привлечь его в качестве свидетеля.

Потерпевший полицейский Круглов И.А. в ходе допроса 25 мая 2012 года пояснил, что «лиц нападавших не видел», опознать нападавших не может, так как «находился в стрессовом состоянии и думал только о том, как сохранить свою жизнь» (7). Он же в ходе допроса 4 марта 2015

года показал, что «кто именно с меня срывал шлем, я не видел, так как был наклонен лицом вниз» (8), а после демонстрации видеозаписей на данном допросе заявил, что сдирает с него шлем «молодой человек, одетый в белую кепку козырьком назад, темную куртку, светлую рубашку. Сам я этого человека не помню и опознать навряд ли смогу» (8). Таким образом, потерпевший Круглов И.А. назвал совсем другие — прямо противоположные приметы того человека, действия которого мне вменяли.

Потерпевший полицейский Николаев С.А. в ходе допроса 29 ноября 2015 года показал, что не сможет опознать человека, действия которого мне вменяли (9).

Несмотря на заявления о невозможности опознать «преступника», все названные полицейские (кроме Скворцова В.В. и Круглова И.А. — между ними и мной очных ставок и опознаний не производилось) «уверенно опознали» и «изобличили Бученкова Д.Е.».

Сбивчивость и противоречивость показаний полицейских не смущает российские суды, поскольку в реальной (а не зафиксированной в законах) системе социальных отношений в России полицейский в суде обладает более высоким статусом, чем обычный гражданин, а его показания в суде имеют больше веса, даже если этот полицейский путается в словах, датах, а на большую часть вопросов отвечает «не помню». Это происходит потому, что мы живем в обществе социального неравенства, которое может быть не только материальным, но и статусным. В этом обществе за одни и те же действия одних привлекают к уголовной ответственности, а другими занимается особая позиция — представители следственно-судебных органов как бы не замечают этого. Например, старшеклассник, сделавший репост в социальной сети ВКонтакте, с радостью привлекается по ст. 282 УК за «разжигание розни», а лидер ЛДПР, позволяющий себе подобные высказывания на телевидении, остается неприкосновенным. Я не призываю заводить уголовное дело на В.В. Жириновского, но лишь указываю на систему двойных стандартов.

1. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 25. Л. 61.
2. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 25. Л. 58–63.
3. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 25. Л. 88–97.
4. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 25. Л. 98–101.
5. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 25. Л. 111.

6. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 25. Л. 112.
7. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 14. Л. 142–171.
8. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 14. Л. 172–174.
9. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 25. Л. 21–37.

Глава 6 «Секретный свидетель» — уникальная находка для фальсификаций

Во времена КГБ СССР категории «секретный свидетель» не существовало. Внедренные агенты были, они могли давать свидетельские показания, но эти показания классифицировались как оперативные материалы, то есть данные, полученные от сексотов, не могли фигурировать в суде как доказательства вины обвиняемого.

Для того чтобы использовать информацию сексотов в качестве доказательства в суде, применялись два способа:

1. Такую информацию приписывали другому источнику. Человек, не являющийся информатором «органов», заявлял в суде, что это его информация, объяснял, где и при каких обстоятельствах он ее получил.

2. Если такой способ использовать было проблематично, то агента «органов» исключали из агентурной сети, и он выступал в суде как обычный свидетель. Но для того, чтобы использовать этот способ, нужно было: согласие самого агента (ведь тогда бы все поняли, что он был «стукачом»), согласие оперработника, у которого агент был на связи.

Секретный свидетель в современной России — уникальная находка для следователя, который фальсифицирует уголовное дело. Конечно, построить всё уголовное дело только на показаниях секретных свидетелей проблематично, но сформировать основную версию вполне возможно.

Секретный свидетель есть свидетель:

- а) имя которого не разглашается;
- б) внешность его сохраняется втайне;
- в) очная ставка и опознание с ним проводятся так, что обвиняемый и адвокаты его не видят;
- г) сторона защиты фактически лишена возможности задать такому свидетелю какие-либо вопросы на стадии следствия.

Секретный свидетель — удобное средство для манипуляций и фальсификаций для следователей. Секретный свидетель — это, как правило, тот, кто мог бы быть сам привлечен к уголовному делу в качестве обвиняемого, но по договоренности со следователем превратился в обыкновенного информатора (в обиходе — стукача), который дает

показания, нужные стороне обвинения. Следователь обосновывает засекречиваемость обычно тем, что свидетель может пострадать от обвиняемого или его близких за данные против них показания.

В моем случае было привлечено два секретных свидетеля, с одним из которых были проведены следственные действия, и это происходило так. Меня привели в комнату, в одну стену которой было вмонтировано большое зеркальное окно. Из одной комнаты, в которой находился я (а также адвокат, трое статистов, двое следователей и трое конвойных), не было видно, кто находится за стеной, в соседней комнате, в то время как из соседней комнаты, напротив, было хорошо видно всех нас.

В соседнюю комнату привели секретного свидетеля, который «опознал» меня. На все протесты адвоката — допустить его в соседнюю комнату или хотя бы задать ему вопросы — следователь отреагировал отказами. Проверить или изобличить фальсификацию следователя в данном случае адвокату или обвиняемому невозможно. Изобличить ложь секретного свидетеля также невозможно, поскольку никто, кроме следователя не знает, кто этот секретный свидетель. Под видом секретного свидетеля можно привести какое угодно лицо, которое скажет что угодно.

В случае со мной было привлечено два секретных свидетеля под именами «Сергей Герасимов» и «Иван Лапшин». Первый являлся стукачом в «Болотном деле» с 2013 года, и как минимум один человек (Алексей Гаскаров) получил на основании его показаний тюремный срок; второго, насколько я понимаю, изворотливый следователь придумал специально для меня. Данный «Сергей Герасимов» сначала показывал, что видел меня только в начале демонстрации, потом показывал, что видел, как я «вел колонну анархистов» к полицейскому оцеплению (то есть уже ближе к концу демонстрации), предоставил следствию внутриорганизационную электронную переписку, «опознал» меня на следственных действиях (1).

10 октября 2017 года на судебном заседании в Замоскворецком суде Алексей Гаскаров сообщил, что секретный свидетель «Сергей Герасимов» участвовал в столкновениях с полицией 6 мая 2012 года и сам мог быть привлечен в качестве обвиняемого. Алексей Гаскаров сказал, что ему это стало известно со слов сотрудников Центра противодействия экстремизму по г. Москве, которые неоднократно приходили к нему в следственный изолятор. Они, по его словам, не стесняясь рассказывали, что «Сергей Герасимов» попал в поле зрения следствия в 2013 году и по предложению ЦПЭ стал

давать показания на тех оппозиционеров, на которых указывало следствие, взамен на то, чтобы против него самого не возбуждали уголовное дело.

Когда Алексей Гаскаров рассказал об этом на суде, возмущению прокурора Апухтиной Е.О. и судьи Семёновой Л.В. не было предела. Обе чиновницы буквально засыпали Алексея негодующими вопросами, стремясь во что бы то ни стало нейтрализовать неудобный эпизод. Это был редкий «момент истины» на всём «Болотном процессе», вскрывающий реальную подоплеку всего этого процесса.

Второй информатор — «Иван Лапшин» — оказался еще более интересным. Он показал, что дважды пытался вступить в «Автономное Действие», но у него это не получалось, поэтому все его показания против меня невольно выглядели как обида на то, что его «в пионеры не приняли» (2).

В случае вызова в суд секретного свидетеля его допрос в ходе судебного следствия также производится в виде, исключающем его визуальное наблюдение. Даже если оснований для засекречивания нет, то рассекретить официально (то есть раскрыть его личность) невозможно. Известны случаи, когда подсудимый узнавал или изначально догадывался, кто выступает в качестве секретного свидетеля, объявлял об этом на суде, но суд всё равно не рассекречивал информатора. Например, активистка «Другой России» Таисия Осипова узнала одного из своих секретных свидетелей еще во время следственных действий, объявила об этом, но данного свидетеля всё равно не рассекретили.

Секретный свидетель был использован в деле украинских граждан Олега Сенцова и Александра Кольченко, которых обвинили в «террористической деятельности» после присоединения Крыма к России. В их случае фигурировал осведомитель спецслужб. Но чаще всего в российской практике секретных свидетелей используют в делах по наркотикам. В этом случае секретный свидетель, как правило, — это наркоман, который под давлением оперативных сотрудников выступает в качестве покупателя наркотиков, а потом дает на продавца показания.

Другая, более «продвинутая» стадия секретного свидетеля — это так называемый «досудебщик». «Досудебщик» есть обвиняемый, который заключает досудебное соглашение со следствием, дает показания на тех людей, на которых следствие хочет получить показания, и получает значительно более меньший размер наказания, чем остальные фигуранты

уголовного дела. В большинстве случаев следователи демагогически убеждают досудебщика, что он вообще может избежать наказания или отделаться условным сроком, но на деле это так и остается обещаниями. Досудебщика всё равно осуждают, и он уезжает на лагерь, хотя и на меньший срок. Оказавшись в лагере, досудебщики стараются скрывать факт того, что дали показания на своих подельников, могут всячески сотрудничать с администрацией. Таким людям, говоря тюремным языком, «не место в людской массе», и это правильно.

В системе современного российского «правосудия» манипулятивной практике секретных свидетелей невозможно что-либо противопоставить. Невозможность данного противопоставления заключается в самой сути российской следственно-судебной системы, оторванной от общества. Казалось бы, логично, что для засекречивания свидетелей следствие должно предоставлять весомые и аргументированные доказательства. По факту же следователи ограничиваются шаблонными формулировками из УПК и манипулируют данной практикой для фальсификации уголовных дел.

1. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 25. Л. 193–233.
2. Уголовное дело № 41602007701000073, Т. 25. Л. 234–237.

Глава 7. Фальсификация следственных действий: очная ставка

После работы, проведенной со свидетелями и потерпевшими обвинения, следствие может приступить к следственным действиям. Для читателей, далеких от российского государства и российского уголовного права, поясню, что Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает два основных действия между участниками уголовного процесса со стороны обвинения и обвиняемой стороны. Это - опознание и очная ставка.

Очная ставка, согласно Уголовно-процессуальному кодексу, проводится, если между показаниями того, кто опознаёт, и показаниями того, кого опознают, имеются существенные противоречия. Проще говоря, потерпевший опознал «преступника» и возопил «Да, это он!», а «преступник» продолжает отрицаться и утверждать, что «меня там не было».

В тех случаях, когда обвиняемый не признаёт вину, очная ставка может подвергнуть сомнению версию следствия, но следователи научились легко эту опасность обходить. «Следователь самостоятельно определяет ход следствия» — зафиксировано в УПК, и, пользуясь этим, следователи нейтрализуют попытки обвиняемого или адвоката показать, что свидетель ошибается или говорит неправду.

Неопытный обыватель, волею судьбы оказавшийся в руках российского правосудия, едет на очную ставку и предвкушает, что сейчас он изболжит клеветника — свидетеля или потерпевшего, — который дает на него показания, но которого он на самом деле никогда не видел. Свидетель, заранее подготовленный следователем к следственным действиям, показывает, что он видел этого гражданина и это «именно тот человек, который ударил меня по ноге и причинил мне невыносимые страдания». Возмущенный враньем, обвиняемый начинает задавать уточняющие вопросы: «а по каким приметам ты меня опознал», «по каким чертам лица ты думаешь, что это именно я», но следователь не дает задать все эти вопросы.

Очная ставка строится так, что сначала задаются вопросы, а следователь разрешает или не разрешает отвечать на них свидетелю. Поэтому любой вопрос, ответ на который может внести сомнения в версию

следствия, снимается следователем «как не имеющий отношения к делу и затягивающий следственные действия». Даже если ваш вопрос логичен и имеет непосредственное отношение к обвинению, следователь не моргнув глазом снимает его и записывает в протокол очной ставки, что «вопрос снят, как не имеющий отношения к делу».

Взбешенный такими действиями обвиняемый возвращается в автозак, едет обратно в СИЗО и думает, что на судебном заседании он изобличит клеветника, но доходит дело до суда, все, кто находится в зале, понимают, что полицейский врет, но судья молча сидит, опустив глаза в бумаги, и делает вид, что не видит его вранья.

Обвиняемый пишет жалобу начальнику следствия, но в ответ получает отписку: «согласно УПК следователь имеет право самостоятельно направлять ход следствия» — и человек понимает, что доказать свою правоту он не может, что слушать его никто не хочет, что для российского государства он мелкая сошка, которую государство раздавит и даже этого не заметит. Так рождается стойкая ненависть к государству и ко всем, кто его представляет.

Самое забавное в этом — то, что обвиняемый может нанять сколько угодно самых талантливых адвокатов, но они будут совершенно бессильны. Расследование ведут следователи; такого понятия, как адвокатское расследование, в российском законодательстве не существует — адвокат в этой ситуации вам ничем не поможет. Только позже он может хорошо выступить в суде по этому поводу, но и это будет иметь небольшое значение.

В моем случае после всех очных ставок, на которых следователь снимал уточняющие вопросы (а он это сделал на всех проведенных очных ставках), адвокат писала на отдельном листе замечания к протоколу очной ставки. Смысл замечаний заключался в том, что следственное действие — очная ставка, следователь фактически подменял другим следственным действием — опознанием, — называя его очной ставкой, но юридическая сила этих замечаний в российской системе правосудия ничтожна.

Глава 8. Фальсификация экспертизы

При производстве расследований следствие претендует на то, что оно использует научные методы при доказывании своей версии. В зависимости от кругозора и эрудированности чиновников, внутренняя документация судебно-следственных органов щеголяет такими терминами, как «однозначность», «объективность», «доказанность» и тому подобное. Выхваченные из научного оборота и вставленные в юридический, бюрократический текст, данные слова обесцениваются и превращаются в жаргонные правоведческие выражения, используемые лишь для того, чтобы придать документу больше веса и убедительности.

Критерии научного знания: 1) проверяемость; 2) логическая непротиворечивость; 3) отсутствие необходимости верить в его результаты; 4) получение в результате использования научных методов.

Государственная организация привлекает средства науки в разные сферы своей деятельности — успешно или нет, — но одним из таких средств при расследовании преступлений является экспертиза. Экспертиза признана устранять противоречивость, отстраненно и без оглядки на авторитеты и политическую конъюнктуру устанавливать истину, давать однозначные результаты. Посмотрим, как же в реальности следственные органы современной России пользуются средствами науки.

У писателя Варлама Шаламова есть рассказ «По ленд-лизу», где он описывает, какое применение нашла администрация лагеря для американских бульдозеров, поставленных по ленд-лизу в Советский Союз. Во время Второй мировой войны между СССР и США было заключено соглашение, по которому США поставляли в Советский Союз военную технику, часть которой шла на фронт через Дальний Восток, и два бульдозера как-то оказались в одном из лагерей ГУЛАГа. Администрация лагеря не нашла лучшего применения, как зарывать новенькими бульдозерами могилы умерших арестантов. Могилы до этого были вырыты неглубоко, в мерзлом колымском грунте, — трупы вылезали наружу. Поэтому, чтобы скрыть следы своих преступлений, начальник лагеря решил вырыть могилы поглубже. Так вот, использование научного знания следственными органами по своей извращенности и профанированию ушло не сильно далеко от этого примера.

За шесть месяцев до моего задержания следственная группа СК РФ получила заключение эксперта № 3/671. На данном заключении стоит заголовок, что его составил «Институт криминалистики Центра специальной техники ФСБ России». Для данной экспертизы эксперты использовали 52 фотографических изображения, взятых из видеозаписей событий на Болотной площади, на которых запечатлен человек, действия которого мне вменяли, и одну (!) фотографию, на которой изображен я — Бученков Д.Е. Внешне всё, казалось бы, выглядит солидно — целых 52 фотоснимка, — однако из этих 52 фотоснимков 29 были признаны экспертизой «непригодными для проведения криминалистической фотопортретной идентификации» (1), а фото со мной было взято из бланка-заявления на выдачу паспорта десятилетней давности. То есть эксперты сравнивали 23 фотографии неизвестного человека с одним моим фото, на котором я изображен только в анфас, фотография черно-белая, фотография десятилетней давности, и решили, что на всех фото одно и то же лицо. Для большей убедительности 23 снимка неизвестного человека эксперты из цветных сделали черно-белыми (вероятно, для большего сходства с моей черно-белой фотографией на бланке о выдаче паспорта) и тем самым скрыли два родимых пятна на лице неизвестного человека. На моем лице никогда родимых пятен не было.

Вероятно, понимая крайне низкое качество первой экспертизы, следователи решили удовлетворить ходатайство защиты и назначили повторную портретную экспертизу. С этой целью следователь пришел в СИЗО № 5, где я находился, сфотографировал меня на бытовой фотоаппарат и представил эти фотоснимки экспертам как «образцы внешности». Несмотря на мое предложение попытаться найти через адвоката нормального фотографа с профессиональным фотоаппаратом, был дан ответ в стиле «и так сойдет». Для проведения второй экспертизы у экспертов «Института криминалистики» оказалось 14 фотоснимков с моим изображением за 2012, 2015 и 2016 годы (последние, сделанные в СИЗО) и 17 фотоснимков с человеком, действия которого мне вменяли.

Как человеку, знакомому с теорией и методологией научного познания, мне, разумеется, стало очень интересно, какие специфические научные методы использовали «эксперты» ФСБ для того, чтобы прийти к заключению, что не я — это я. В своем заключении эксперты указали, что они пользовались «методикой идентификации личности по признакам внешнего облика», а также использовали «научные данные и методические рекомендации, содержащиеся в следующей криминалистической

литературе»: «Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств» (М., 2010); Зинин А.Л., Кирсанов Л.З. «Криминалистическая фотопортретная экспертиза» (М., 1991); «Судебно-портретная экспертиза» (М., 2003); Зинин А.М. «Руководство по портретной экспертизе» (М., 2006); Зинин А.М., Подволоцкий И.Н. «Габитоскопия» (М., 2006) (2). Обратившись к этой литературе, даже непрофессионал обратит внимание, что эксперты или выполняли заказ следствия, или просто откровенно схалтурили, и халтура эта выразилась в следующем.

Эксперты указали, что «сравнительное исследование проводилось с использованием метода визуального сопоставления признаков внешнего облика» (3). При этом в их экспертном заключении почему-то отсутствовали следующие элементы:

а) Результаты сопоставления не сопровождалась иллюстрациями. Ни на одном из листов экспертизы эксперты не поместили мое фото рядом с фото неизвестного человека. Все фотографии размещены отдельно: мои на одних листах, его — на других. Я утверждаю, что это сделано сознательно, чтобы человек, читающий результаты экспертизы, не смог усомниться в правильности выводов. В то время как литература, на которую ссылаются эксперты, рекомендует: «результаты сопоставления сопровождаются иллюстрациями с разметкой, где красным цветом обозначаются совпадения, а синим — различия» (4).

б) В науке принято, что результаты исследований, произведенных одним методом, желательно проверить другими методами. То же самое рекомендует и соответствующая литература: результаты совпадений и различий должны проверяться другими методами (5), но этого сделано не было. Эксперты не могут не понимать, что от их выводов может зависеть, посадят человека в тюрьму на несколько лет, или не посадят, однако всё равно они выполнили свою работу неряшливо, формально, небрежно.

в) Указанная литература по экспертизе рекомендует, что должна производиться оценка не только совпадающих признаков внешности, но и различающихся признаков. Различия признаков внешности присутствуют на фотографиях одного и того же лица, сделанных при разном освещении и в разное время, и данных различий не может не быть у разных людей. Однако эксперты были настолько самоуверенны, что привели в заключение только таблицу сходных признаков, но не привели таблицу различий.

г) Указанная литература рекомендует, что вывод эксперта может формулироваться в нескольких вариантах: положительный категоричный вывод, положительный вероятностный вывод, отрицательный категоричный вывод, отрицательный вероятностный вывод, вывод о невозможности решения вопроса. Эксперты ФСБ не указали, какой вывод вынесли они. Они посчитали достаточным просто написать, что на размытых фотографиях и фотографиях со мной «одно и то же лицо», и это при том, что все фотографии с человеком, действия которого мне вменяют, были признаны экспертами «условно пригодными».

д) Эксперты не пояснили, почему для своей экспертизы они использовали только один метод — метод визуального сопоставления, — в то время как есть и другие методы: сопоставления относительных величин, сопоставления с помощью координатных сеток, сопоставления биологической асимметрии лица, сопоставления с использованием масок, методсагитально-медиальнойлинии, методсовмещенияполоманойлинии.

Конечно, взглянув на фотографии со мной и фотографии человека, действия которого мне вменяют, можно увидеть некоторое анатомическое сходство, но это общее сходство человека европеоидной расы; сходство и идентичность — не одно и то же. На фотографиях этого человека закрыта часть его лица, закрыты уши. Вместо того, чтобы предоставить экспертам фотографии хорошего качества, которые были приобщены к уголовному делу в качестве вещественных доказательств (фотографии, которые следствие предоставило экспертам, были низкого качества; кроме того, на них у человека, действия которого мне вменяли, на голову был накинута капюшон и у него не были видны часть лба и ушные раковины), следствие как будто сознательно предоставило экспертам фотографии плохого качества. Эксперты просто не захотели вникать в суть вопроса и формально отнеслись к своим обязанностям.

Формально-бюрократический подход к экспертизе и следственным действиям в целом — это характерный принцип работы всей российской следственной системы. Тысячи людей получают тюремные сроки просто потому, что эксперты отнеслись формально, судья не захотел разбираться, — и таким образом оказалась переломана человеческая судьба. Спрашивается: какое отношение в ответ со стороны своих сограждан ожидает к себе российская государственность? Недоверие, негатив и опасение. Чиновникам и полицейским не стоит ожидать положительного отношения к себе со стороны сограждан до тех пор, пока российская следственно-

судебная система будет продолжать работать по указанным принципам, до тех пор, пока она обслуживает классовые интересы узкой группы лиц.

Теоретически в ответ на экспертизу, сделанную по заказу следствия в государственном учреждении, можно заказать независимую экспертизу за собственный счет. Ее можно сделать как в государственном, так и в частном бюро экспертиз. Сделать независимую экспертизу нетрудно, но основная проблема заключается в том, чтобы приобщить ее к делу. Вы можете потратить много денег на независимую экспертизу, но ее нельзя будет использовать в суде в качестве доказательства — судья просто откажется ее приобщить, сказав, что проведенных ранее экспертиз вполне достаточно. Согласно закону, экспертизы, проведенные по инициативе следствия, приобщаются к делу «автоматически», в то время как экспертизы, проведенные по инициативе защиты, судья не обязан приобщать.

Фальсификация экспертизы достигается следующими способами:

1. Следствие предоставляет экспертам материалы, которые в меньшей степени могут подвергнуть сомнению версию следствия. Эксперты не властны в выборе материалов для экспертизы — это полностью находится во власти следствия, которое пользуется этим.

2. Следствие формулирует перед экспертами вопросы, на которые они должны ответить. Формулировка вопросов полностью во власти следствия, которое манипулирует этим в своих интересах. Вопросы для экспертизы могут быть сформулированы так, что ее результаты окажутся ничтожны.

3. Следствие по своему выбору выбирает экспертное учреждение. Как правило, это учреждение, с которым у следствия установлены устойчивые связи, которое заинтересовано в последующих заказах на экспертизу и вполне может прислушиваться к пожеланиям следователя.

4. Эксперты экспертного учреждения — такие же чиновники, как и следователи, они могут относиться к своей работе формально, неряшливо, халтурно.

1. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 29. Л. 35.

2. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 29. Л. 30.

3. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 29. Л. 34.

4. Типовые экспертные методики исследования вещественных

доказательств. Часть 1. М., 2010. С. 295.

5. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Часть 1. М., 2010. С. 297.

Глава 9. Нейтрализация доказательств защиты

Когда человек не участвовал в действиях, в которых его обвиняют, но следствию нужно во что бы то ни стало доказать его виновность, следователи вынуждены изобретать различные хитроумные способы, чтобы это сделать. Дело в том, что в ходе такого «расследования» неизбежно могут «всплывать» факты, неожиданные для следствия, самого обвиняемого, прямо или косвенно подтверждающие алиби обвиняемого.

Бывают случаи, что следствию недостаточно просто проигнорировать данные факты, — и тогда следователи используют тактику нейтрализации таких доказательств. Основная задача для следствия в данном случае — продемонстрировать, что факты, подтверждающие алиби обвиняемого, «на самом деле» не достоверные, а то и просто сознательно скомпилированы.

В моем случае такой неожиданностью оказался дневник сестры. Моя сестра с 2008 года вела девичий дневник, в который записывала в хронологическом порядке события своей личной жизни, да и просто события из жизни бытового характера. Обнаружение этого дневника было неожиданностью для меня, для следствия, да и для всех остальных свидетелей защиты.

Оказалось, что за 6 мая 2012 года в ее дневнике была запись о том, что «приезжал Димка, делали на даче шашлыки». Через несколько дней после моего задержания 2 декабря 2015 года и первых допросов, немного отойдя от шока, моя сестра обратилась к своему дневнику, нашла там эту запись и принесла дневник моему отцу (1). Дневник был передан в следственную группу СК РФ и приобщен в качестве вещдока к уголовному делу. Недовольству следователей, вероятно, не было предела — судя по тому, с каким рвением они предприняли действия по нейтрализации этого вещественного доказательства. В рамках нейтрализации данного доказательства следователем Добариным А.С. были предприняты следующие действия: запутывающий допрос сестры; обыск в квартире сестры — в качестве мести и способа оказать психологическое воздействие; «экспертиза» дневника.

Суть запутывающего допроса — в том, чтобы задавать свидетелю одни и те же вопросы в разных формулировках с целью:

- а) утомить допрашиваемого и тем самым спровоцировать с его стороны неловкую или двусмысленную фразу;
- б) преувеличить в своих выводах значение этой фразы и на этой основе продемонстрировать, что данные показания учитывать нельзя.

Почти через пять месяцев после первого допроса следствие предприняло этот второй, запутывающий допрос, в ходе которого несколько раз задавались как одни и те же вопросы в разных формулировках, так и совсем одни и те же вопросы с одной и той же формулировкой. Например, следователь два раза спросил, подтверждает ли моя сестра свои показания, данные во время первого допроса (2).

С невероятной подозрительностью следствие отнеслось к тому, что сестра не сказала о своем дневнике сразу во время первого допроса 2 декабря 2015 года, когда люди бывают обычно в шоке от неожиданности их визита.

Факт того, что сестра не упомянула о своем дневнике сразу же, во время первых показаний, следователь назвал «противоречиями в показаниях». На допросе мой отец прямо спросил следователя Добарина: «У меня создается впечатление, что вы подозреваете нас в том, что мы сфальсифицировали дневник моей дочери». Ответ следователя был замечателен: «Я не только подозреваю это, но и уверен в такой фальсификации». Это при том, что следствию была представлена независимая профессиональная экспертиза, подтвердившая, что запись в дневнике была сделана четыре года назад.

Обращает на себя внимание избирательность такого подхода: противоречия в показаниях полицейских, которые говорили, что не смогут опознать того, кто их «избивал», спустя почти четыре года, но потом вдруг «уверенно опознавали», следователь не только старательно не замечал, но даже скрывал это от защиты, в то время как факт неупоминания дневника тут же был назван «противоречием». Подобная система двойных стандартов при анализе показаний — сложившаяся и глубоко укоренившаяся черта российского правосудия.

Обыск как способ давления. На шестой месяц после моего задержания следователи предприняли обыск в квартире моей сестры (это при том, что в период моего задержания обыски и осмотры прошли в пяти местах). Ничем, кроме желания отомстить моей сестре за дневник, этот обыск объяснить нельзя. Никаких предметов, имеющих отношение к событиям 6 мая 2012 года в Москве, на квартире моей сестры в Нижнем Новгороде

спустя четыре года после этих событий обнаружить было нельзя.

Российской государственности и ее представителям вообще свойственна мстительность. Олицетворение российской государственной организации — это мелкий и подозрительный чиновник, это лицемерный конформист, средний во всем, тип которого хорошо отразила русская классическая литература в произведениях таких авторов, как И.А. Гончаров, Н.В. Гоголь М.Е. Салтыков-Щедрин. Этот тип мелкого чиновника является основным звеном российского государства. Так вот, следователь Центрального аппарата Следственного комитета РФ прибыл из Москвы в Нижний Новгород, чтобы изъять у девушки несколько блокнотов и вынуть жесткий диск из компьютера. У девушки, которая не интересуется политикой и которая никогда бы даже не узнала, что в Москве несколько лет назад были какие-то митинги, если бы не ретивые следователи!

В изъятых блокнотах и жестком диске не содержалось никакой информации, хотя бы косвенно имеющей отношения к событиям 6 мая 2012 года в Москве, но изымались они совсем не с целью расследовать дело. Блокноты и диски изымались с целью сострять дело, а для этого нужно было дискредитировать свидетеля защиты и нейтрализовать факты, подтверждающие алиби обвиняемого.

Именно глагол «сострять» подходит здесь больше всего. Проведение обысков и допросы лиц, имеющих отдаленное отношение к обвиняемому, для следствия имеют двойное значение. Во-первых, это психологическое воздействие. Сам факт обыска, когда в квартиру входят, не снимая обуви, совершенно незнакомые люди и начинают рыться в вещах, на человека, ведущего обывательский и незаметный образ жизни, оказывает существенное психологическое воздействие. Во-вторых, следствие действует наобум, по принципу «авось что и отыщется». Когда доказательства обвинения невняты и притянуты за уши, следователи судорожно начинают искать любую мелкую «компру» на обвиняемого и свидетелей защиты. «Для полноты расследования» следователи допросили и привлекли в качестве свидетеля даже друга моей сестры, который не имел со мной никаких контактов. С этой же целью следователи возбудили уголовное дело на мою жену, у которой нашли один патрон, подаренный ей в качестве сувенира десять лет назад. Уголовное дело по ст. 222 УК РФ было позже прекращено ввиду его незначительности.

Третий способ нейтрализации фактов, подтверждающих алиби обвиняемого,— это подвергнуть их экспертизе, которая могла бы

дать результаты, нужные следствию. Изъятые во время обыска у моей сестры блокноты, а также дневник с записью о моем нахождении в Нижнем Новгороде 6 мая 2012 года следователи отдали на экспертизу в Центр специальной техники Института криминалистики ФСБ России.

Задача следствия в данном случае не обязательно заключается в том, чтобы полностью опровергнуть факты, подтверждающие алиби обвиняемого. Для следствия вполне достаточно, что экспертиза представит противоречивые результаты, которые можно трактовать неоднозначно, но которые следствие будет трактовать однозначно, то есть в пользу своей версии.

Русский писатель конца XIX века С.М. Степняк-Кравчинский в свое время очень точно отметил, что «прокурор обращается с предположениями как с бесспорными фактами» (3). Это он говорил относительно российской системы правосудия конца XIX века, но с тех пор мало что изменилось. Достаточно нескольких расплывчатых фраз в экспертном заключении, чтобы вся система российского правосудия указывала на них как на нечто совершенно определенное, не замечая всего остального.

Рассмотрим в следующей главе, как в моем случае схитрили следователи, чтобы нейтрализовать один из фактов, подтверждающих мое алиби, прибегнув к экспертизе.

1. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 26. Л. 14.
2. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 26. Л. 38–43.
3. Степняк-Кравчинский С.М. Соч.в 2-х т. Т. 1. М., 1987. С. 103.

Глава 10. Нейтрализация доказательств, подтверждающих алиби (продолжение)

Следователи поставили перед экспертами три вопроса.

Вопрос первый: «Имеются ли признаки выполнения рукописных записей в дневнике Бученковой Н.Е. разными лицами»? Очевидно, что этот вопрос вполне допустим, — необходимо проверить, действительно ли это дневник Бученковой Н.Е., как она это утверждает.

Вопрос второй: «Имеются ли в представленном ежедневнике признаки того, что он заполнялся не с 2008 года, а позднее, в частности имеются ли признаки переписывания с другого текста?»

Допустим, что следствие недоверчиво и подозрительно, и оно имеет право предположить, что в период с декабря 2015 по апрель 2016 года Бученкова Н.Е. скомпилировала текст о событиях за последние семь лет, чтобы создать своему брату алиби. Однако при знакомстве с такой формулировкой невольно возникает вопрос о том, какую всё-таки методику почерковедческой экспертизы удалось изобрести в Институте криминалистики ФСБ, что экспертам без всякого анализа содержательно-хронологической части текста, без выяснения обстоятельств создания текста, только путем анализа написания букв моей сестрой удалось установить, что запись в дневнике была сделана не в 2012 году, а в 2016-м? Тем более это удалось установить без химического анализа чернил?

Вопрос третий: «Имеются ли в представленном ежедневнике признаки заполнения его в ограниченный период времени?» Разумеется, и в данном случае следствие имело право подозревать, что вместо семи лет дневник был создан наскоро за 2–3 месяца. Следствие, вероятно, полагало, что поспешность заполнения дневника может быть выявлена посредством анализа написания букв, которые должны были бы быть написаны небрежно и с ошибками.

Автор данной книги окончил исторический факультет. Во время занятий по таким дисциплинам, как источниковедение, палеография, вспомогательные исторические дисциплины, мы много часов потратили за изучением копий древних текстов XII–XVI веков. Профессора и академики

объясняли нам, что историки применяют разнообразные методы, чтобы определить приблизительную дату создания того или иного исторического документа. Ни один профессиональный историк не возьмется утверждать наверняка, что дата создания того или иного документа совершенно точно именно такая. Он всегда будет говорить об этом приблизительно. Он не будет это утверждать с полной уверенностью, если он использовал только один метод. Он опасается утратить авторитет перед своими коллегами, поскольку результаты его исследования открыты и общедоступны.

Совершенно иная ситуация у экспертов в уголовном деле:

- а) участники уголовного дела дают подписку о неразглашении,
- б) экспертиза проводится в отношении бесправного и лишённого возможности противодействовать арестанта,
- в) оспорить результаты экспертизы можно только с разрешения следователя или суда, которые часто не заинтересованы в том, чтобы давать такое разрешение (независимая экспертиза, как уже было сказано, не может в обязательном порядке приобщать к материалам дела свои результаты, в отличие от экспертизы, заказанной следователями).

Таким образом, мы получаем ситуацию, когда противопоставить что-то поверхностной экспертизе, выполненной по инициативе следствия, практически невозможно. Это значит, что отсутствие ответственности за поверхностную экспертизу снижает ее реальное качество. Следствие и суд подходят к экспертизе формально, по принципу «главное — чтоб была», а лучшее доказательство ненаучности экспертиз, которые проводились в моем уголовном деле, — это отсутствие проверки конечных результатов другими методами. Можно простить отсутствие проверки результатов исследования другими методами тому исследователю, результаты исследования которого не имеют практической значимости. Но нельзя оправдать формализм, с которым подходят к своим результатам эксперты Института криминалистики, которые знают, что от результатов их исследования зависит, получит арестант тюремный срок или нет. Знакомство с литературой по криминалистике позволяет сделать вывод (1), что методов анализа почерка, позволяющих достоверно определить, что рукописный текст создавался не в 2012 году, а спустя три года, просто не существует. Это возможно сделать, если подкреплять почерковедческую экспертизу анализом событий, описывающихся в рукописи, но сделать это просто на основе анализа почерка не представляется возможным (при том что здоровье, психика и условия жизни лица, создавшего рукопись, на протяжении прошедших трех лет существенно не менялись).

Эксперты фактически утверждали (а именно этот вывод неизбежно следует из их экспертизы), что моя сестра подделала доказательства, чтобы создать мне алиби на основе следующих наблюдений:

- в тексте есть пропуски строк;
- есть ошибки (например, написана дата «9 апреля» вместо «9 мая»), которые свидетельствуют, по мнению экспертов, о том, что сестра скорее торопилась создать подделку и тем самым у нее было ослаблено внимание;
- есть исправления, что также свидетельствует о подделке;
- присутствует изменение наклона строк, что, по мнению экспертов, свидетельствует о желании лица, создававшего дневник, имитировать разные условия и время создания дневника;
- в разное время отличается написание одних и тех же букв — например, буквы Ф, и так далее.

Я не буду утомлять читателя подробностями теории криминалистической экспертизы, тем более сам не являясь экспертом. Позволю себе лишь несколько выводов, руководствуясь общенаучным подходом.

Первое. Методы экспертизы, дающие возможность сделать вывод о том, в каких условиях создавалась рукопись, действительно существуют. Например, в книге «Судебно-почерковедческая экспертиза» есть отдельный параграф, который называется «Исследование рукописей в целях установления условий их выполнения» (2). Однако ни в этой, ни в любых других книгах вы не найдете описания почерковедческой экспертизы, которая позволяла бы сделать достоверный вывод, что данная рукопись была создана не в 2012 году, а на три года позже.

Второе. Аргументация, которую использовали эксперты-криминалисты, чтобы обосновать, что моя сестра якобы подделала свой дневник, чтобы обеспечить мне алиби, является двусмысленной. Пользуясь той же самой аргументацией (исправления, ошибки, зачеркивания), можно обосновать и ровно противоположный вывод: ошибки свидетельствуют о подлинности рукописи, так как специально подделывая рукопись, человек мог бы их не совершать. Такой вывод вполне можно сделать, так как в цепи умозаключений экспертов отсутствует одно важное логическое звено — исследование психологических особенностей лица, создававшего рукопись.

Третье. Экспертизу обычно всегда проводят минимум два эксперта. Задача второго проверять выводы первого другими

методами, то есть методами, отличными от того, который использовался первым экспертом. Однако ни в одной из экспертиз, проводившихся в рамках моего уголовного дела, это не делалось.

С одной стороны, формулировки экспертного заключения вроде бы носят осторожный характер — «имеются признаки», «есть основания полагать» и так далее; с другой стороны, в рамках сложившейся системы российского правосудия такое заключение всё равно приобретает значение бесспорных фактов. Российскому следствию, в общем-то, и не нужны весомые и бесспорные аргументы, достаточно приблизительных утверждений — достаточно посредством бюрократических манипуляций создать у суда сомнения в тех аргументах, которыми апеллируют обвиняемый и адвокаты. Задача следствия — не в том, чтобы полностью разбить аргументацию защиты с помощью экспертизы, вполне достаточно внести сумбур и противоречивость с помощью сумбурной и противоречивой экспертизы, а это сделать легко, если иметь в виду вышеназванные условия, при которых работает российская криминалистическая экспертиза. Не важно, что сама по себе методика экспертизы бессмысленна, не проверена и напоминает попытку определить скорость самолета, летящего в небе, путем наложения на небо ученической линейки длиной 20 сантиметров. Главная задача следствия в данном случае всё равно выполнена: факт алиби подвергнут сомнению.

Анализ экспертиз, проведенных в рамках моего уголовного дела, невольно наводит на мысль, что эти экспертизы проводились не только с целью опровергнуть алиби, но также с целью отвлечь внимание от фактов, ставящих под сомнение версию следствия. Вместо экспертизы по давности «эксперты» провели почерковедческую экспертизу дневника сестры. Проводя эту почерковедческую экспертизу, эксперты как будто сознательно анализировали не те дневниковые записи за май 2012 года, подтверждающие мое алиби, а дневниковые записи за другие месяцы.

1. Орлова В.Ф. Судебно-почерковедческая диагностика. М., 2005; Общая методика проведения идентификационных почерковедческих исследований для установления исполнителей рукописных записей и подписей. М., 2005; Судебно-почерковедческая экспертиза: общая часть, теоретические и методологические основы. М., 2006.

2. Судебно-почерковедческая экспертиза: общая часть, теоретические и методологические основы. М., 2006. С. 341–383.

Глава 11. Бюрократические процедуры как метод нейтрализации действий защиты

Адвокаты в российской системе правосудия имеют очень мало инструментов для того, чтобы что-либо противопоставить следствию во время следствия. Адвокат и следствие находятся в неравных положениях, поскольку у следствия прав значительно больше. Если следствие фальсифицирует уголовное дело, но при этом не нарушает формально-бюрократические, процессуальные положения Уголовного кодекса, нанести урон позиции следствия почти невозможно.

Теоретически это можно делать только в суде, но российский суд — государственнический монстр, который заинтересован в незыблемости своих институтов, а отдельный гражданин для государства настолько мелок, что оно походя раздавит его, даже не заметив этого. Государство мощно, системно и в конце концов платит судье зарплату, а человек жалок, непонятен, бормочет что-то, стоя за решеткой, или же кричит из-за этой решетки что-то, «не имеющее отношения к делу».

Уязвить следствие, повторяем, защита может, только если оно нарушает процессуальные моменты, во всём остальном до суда защита находится во власти следствия. Адвокат может совершать только малорезультативные действия, но всё же рассмотрим, какие это действия.

В России адвокат может оппонировать действиям следствия только следующими методами:

- а) написать жалобу руководителю следственного органа, в рамках которого работает следственная группа;
- б) написать жалобу в прокуратуру;
- в) заявить ходатайство о приобщении к делу материалов, содержащих сведения в пользу обвиняемого.

На жалобы, направленные на руководителя следственной группы, обычно приходит отказ.

На жалобы, которые направляются в прокуратуру, приходит ответ, что «прокуратура не имеет возможности рассматривать жалобу по существу», они перенаправляются в следственный орган, откуда опять приходит отказ

(то есть, что жалобу рассматривает тот, на кого вы жалуетесь).

И, наконец, удовлетворить или нет ходатайство адвоката находится также в полной власти следствия.

В моем случае следствие использовало классический метод всех государственных бюрократов — оно сделало вид, что бумага от адвокатов «пришла слишком поздно», когда уголовное дело уже было передано в прокуратуру.

Дело в том, что в процессе ознакомления с видеофайлами, приобщенными к уголовному делу, я обнаружил видеозаписи хорошего качества, которые не вошли в основную доказательную базу против меня, но на которых видно, что это не я — Бученков Д.Е., — а другой человек. Кроме этого, обнаружились и иные факты, зафиксированные в материалах уголовного дела, которых следователи старательно «не заметили» (это мои письма по электронной почте, в которых я пишу, что уезжаю из Москвы; данные о том, что мой автомобиль был зафиксирован восемь раз видеокамерами на выезде и въезде к Москве, и так далее).

По всем этим фактам адвокаты составили ходатайства и отнесли в приемную Следственного комитета утром 24 марта 2017 года. Сам факт отнесения этих ходатайств также для следствия не был неожиданностью — во время подписания протокола окончания ознакомления с материалами уголовного дела (так называемой 218-й статьи УПК) мы сказали следователю о намерении подать ходатайства и зафиксировали это намерение в письменной форме — в виде замечаний к данному протоколу. Все ходатайства были приняты в приемную СК РФ, и на них был поставлен штамп, что они приняты 24 марта 2017 года.

Чтобы не отвечать на данные ходатайства факты, приведенные в которых, противоречили версии следствия и никак не вписывались в намерения следствия предпринимать что-либо по этому делу, — следователи поступили следующим образом. Они передали уголовное дело в прокуратуру и сделали вид, что ходатайства защиты поступили в Следственный комитет уже после передачи уголовного дела в прокуратуру, то есть после 27 марта 2017 года. Зная заранее и будучи предупрежденными в письменной форме, следователи в спешном порядке понесли дело в Генеральную прокуратуру, а пришедшие от защиты ходатайства просто не стали читать. Вернее, ходатайства они, скорее всего,

внимательно прочили, но по закону уже не должны были на них отвечать.

Таким способом следователи ускользнули от необходимости рассматривать факты, которые полностью разрушали их версию, и принесли в Генеральную прокуратуру обвинительное заключение, в котором черным по белому было написано, что «версия о непричастности Бученкова Д.Е. к преступлению полностью опровергнута».

Если верить следствию, то получается, что движение бумаги внутри следственного комитета — это долгий и длительный процесс, занимающий несколько дней. Можно только предполагать, чем объясняется длительность данного действия: длинными коридорами Следственного комитета, необходимостью изучить бумагу на предмет наличия в ней взрывчатых веществ или же просто элементарным нежеланием следователей взять ее из приемной.

Движение бумаги внутри государственного учреждения невозможно проконтролировать со стороны, и этим чиновники легко пользуются. Это дополнительный способ манипуляций, достойный уровня карточного шулера, к которому, однако, они считают нужным прибегать, когда это необходимо. Автор касался данной темы в статье «Документооборот государственной организации». В данном случае приведем несколько абзацев из нее.

Делопроизводство — знаковая система, поскольку осуществляется с помощью языка, но знак выступает здесь лишь как средство. Значительно важнее заранее очерченные правила. В каждом учреждении эти правила свои, но в целом это:

- взаимодействие с индивидом происходит только при предоставлении им документов;
- взаимодействие сводится к взаимодействию с документами, а не к взаимодействию с индивидом;
- в каждом конкретном случае количество требуемых документов может быть разным;
- если происходит взаимодействие с индивидом вне документов, то оно, в свою очередь, документируется.

Поскольку государство в обществе является самодостаточным (в том смысле, что из инструмента для общества оно превращается в инструмент над обществом), то и делопроизводство превращается в самодостаточное

явление. Грань, за которой делопроизводство из средства фиксации превращается в средство манипуляции и подавления, начинается там, где получение документов превращается в особый процесс, отвлекающий общественное время. Причина, по которой манипуляции становятся возможными, заключается в том, что государственная организация является антиобщественным институтом, существующим по своим собственным принципам, а интересы непривилегированных групп и индивидов не рассматриваются ими как существенные.

Любой индивид в своей повседневной жизни хотя бы раз сталкивается с манипуляциями со стороны государственной организации. Вот основные способы манипуляций в рамках документооборота государства:

1. Манипуляция со ссылкой на строгое соблюдение регламента. Пример. Заключение привозят в суд, и пока он ожидает своей очереди, чтобы его вывели в зал суда, он сидит в специальном помещении вместе с другими заключенными (в так называемом «стакане»). Одному из заключенных становится плохо, и конвой вызывает скорую. Пока оказывается медицинская помощь, в соседнем помещении заключенному тоже становится плохо. Он просит конвой, чтобы ему тоже оказали помощь, но конвой отказывает — на том основании, что каждый вызов скорой помощи он обязан фиксировать отдельно. В результате второй заключенный тоже переносит инфаркт, зато всё происходит в соответствии с регламентом.

2. Манипуляции со ссылкой на неопределённость закреплённой нормы. Пример. Государственное унитарное предприятие требует от работника справку об отсутствии судимости. Из действующих нормативно-правовых актов неясно, является ли предоставление подобной справки при той должности, которую занимает работник, обязательным или нет. Работодатель заявляет, что является обязательным, работник трактует эту норму свою пользу и в результате попадает в негласный список на увольнение.

3. Манипуляции со ссылкой на отсутствие регламентации. В правилах утреннего распорядка государственной организации отсутствует указание, можно или нельзя оставаться посетителям в помещении учреждения во время обеденного перерыва должностных лиц. Чиновники считают, что у них «должно быть время отдохнуть», а потому зимой выгоняют людей на улицу.

4. Манипуляции со ссылкой на темпы документооборота.

В описанном здесь случае следователи использовали именно этот способ. Они сослались на то, что бумаги со стороны защиты пришли слишком поздно, дело вышло из-под их компетенции, а потому они уже не могут ответить на поступившие ходатайства.

Несмотря на стремление государственной организации регламентировать все сферы общественной жизни, а также моменты взаимодействия государственной организации с обществом, неизбежно остаются неурегулированные сферы. Регламентация, которая часто производится из соображения свести манипуляции к минимуму, приводит к увеличению манипуляций, поскольку должностные лица государственной организации всегда смогут трактовать любую норму в свою пользу. Борьба с коррупцией сводится к увеличению отчетов по антикоррупционной деятельности.

Одним из вариантов современного субъективного идеализма являются взгляды француза Жака Деррида. По мнению Деррида, язык и любые другие знаковые системы являются средством отображения реальности, отражают ее, искажая, а потому, какая реальность есть на самом деле, человек никогда не узнает (1). Отрицая субъективно-идеалистическую сущность такого взгляда, тем не менее с его помощью можно проиллюстрировать, как посредством документооборота государственная организация искажает реальность, и искажает ее в интересах правящего класса. Система формального права есть регламентация реальности. Нет ничего плохого, когда общество пытается регламентировать отдельные моменты социального взаимодействия — административный кодекс, земельный кодекс, водный кодекс и так далее. Однако в условиях классового общества законодательство также превращается в средство манипуляции, поскольку, декларируя формальное равенство всех перед законом, одну и ту же норму закона применяют по-разному в зависимости от социально-классовой принадлежности индивида, воли отдельных должностных лиц, сложившейся в данный момент конъюнктуры.

Аргументация в стиле «вы слишком поздно принесли бумагу» — классическое лицемерие государственного бюрократа. Чиновник указывает, что документ вышел из-под его компетенции, поступил в распоряжение другого чиновника, и «официально» теперь ничего нельзя сделать.

1. см. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.

Глава 12. Манипуляции следствия при ознакомлении обвиняемого с материалами дела

По окончании следствия наступает этап ознакомления лиц, имеющих отношение к делу, с материалами этого уголовного дела. Если дело явно сфальсифицировано, а обвиняемый не ленится и внимательно изучает все тома уголовного дела, то факты фальсификации могут получить документальное подтверждение в самих материалах уголовного дела. До завершения ознакомления обвиняемый будет препятствовать передаче дела в прокуратуру путем написания различных ходатайств, подкрепленных ссылками на документы. Чтобы этого не произошло, следователь должен предпринимать контрмеры, которые обычно сводятся к:

- 1) резкому сокращению времени ознакомления;
- 2) бюрократическим манипуляциям с целью нейтрализации поданных ходатайств.

К одному моему сокамернику следователь приходил два раза в неделю в конце рабочего дня. Приносил тома, выражал недовольство и говорил, что тот «злоупотребляет своим правом». Следователь ограничил ознакомление через суд, но знакомый сокамерник выступил в суде с ходатайством завершить ознакомление. Обычно в судах предусмотрена специальная комната, в которой происходит ознакомление с материалами дела. Но могу сказать, что знакомиться с томами дела в тюрьме комфортнее, чем когда тебя каждый день вывозят в суд, как бы странно это ни прозвучало.

Чтобы сфальсифицировать уголовное дело, следствие должно «не заметить» факты, противоречащие версии следствия. Как уже было сказано выше, следствие может это сделать несколькими способами:

- 1) не удовлетворять ходатайства о приобщении к делу материалов, разрушающих версию следствия;
- 2) нейтрализовать материалы, имеющиеся в деле, как не заслуживающие доверия;
- 3) «не замечать» те материалы, которые уже есть.

Отказываться приобщать к делу материалы можно:

- а) пользуясь бюрократическими уловками;
- б) утверждая, что материалы «неизвестного происхождения» и непонятно откуда взяты, а потому не могут быть приобщены.

Один из способов, как нейтрализовать материалы, разрушающие версию следствия, был описан в двух предыдущих главах на примере дневника Бученковой Н.Е.

Третий способ самый лицемерный, и он также был задействован в «Болотном деле». В моем случае в материалах уголовного дела находилось около ста часов видеозаписей. Все они были приобщены к уголовному делу, то есть признаны в качестве вещественных доказательств самим же следствием.

Из этих более чем ста часов видеозаписей следствием были отобраны примерно восемнадцать часов, на которых были эпизодически зафиксированы действия человека, которого следствие считало мной. Общее на всех этих эпизодах — то, что они среднего (или ниже среднего) качества, а человек, действия которого мне приписывали, одет в черную толстовку с капюшоном, закрывающим часть лица. Именно такие кадры и были представлены следствием на экспертизу.

Когда начался процесс ознакомления меня с материалами уголовного дела, следователь стал приносить в СИЗО ноутбук с этими видеозаписями. Конвой вызывал меня из тюремной камеры, и я неторопливо, каждый день смотрел это видео. Перед началом просмотра следователь предупредил, что есть «основное видео» — около восемнадцати часов, а есть «общее видео» — около сотни часов. Нужно смотреть «основное видео», а смотреть «общее» для всех участников «Болотного дела» нет особо смысла.

К этому моменту я провел в СИЗО уже больше года. За это время компьютер для меня стал вещью необычной, и я не стал слушать следователя, а начал просматривать всё подряд. В один из дней я увидел эпизод, на котором человек, действия которого приписывали мне, запечатлен был значительно лучше, чем на кадрах, представленных следствием на экспертизу. Это было видео значительно лучшего качества, а на голову данного человека не был накинут капюшон. Я не знал, что это за человек, но мне не хотелось бы, чтобы он сидел в тюрьме. С другой стороны, мне не хотелось бы и сидеть вместо него. Если бы он тогда вышел на моих адвокатов, вопрос можно было бы решить так, чтобы никто не сел в тюрьму.

Когда меня отпустили из СИЗО под домашний арест, я нашел еще один похожий эпизод, а помогавшие мне товарищи — видео с третьим эпизодом. Всё дальнейшее поведение следователей заключалось в том, что

адвокаты предлагали им посмотреть видеозаписи с данными эпизодами (приобщенными к материалам дела), а следователи отказывались их смотреть.

Некоторое время я пытался лично для себя понять: следователи сознательно «не заметили» данные эпизоды или действительно просмотрели их? Если первое, то всё уголовное дело в отношении меня организовано государством по политическим мотивам. Если второе, то это лишний раз подтверждает мысль об «эффективности» функционирования всей российской государственной организации в целом. В следственной группе по «Болотному делу» в период высшей точки его расследования было задействовано более ста следователей, а первые показания о человеке, действия которого мне приписывали, пострадавшие сотрудники полиции дали в течение первых двух месяцев после событий 6 мая 2012 года. 19 мая 2012 года показания такого рода дал полицейский Синегубов П.В. (1), 25 мая 2012 года дал показания полицейский Марков С.А. (2), 23 июня 2012 года дал похожие показания полицейский Ванюхин Е.В.(3). Я не скрывался, находился в Москве, неоднократно появлялся на политических акциях, был официально трудоустроен, поэтому резонно задать вопрос: чем занимались эти сто следователей?

Я лично для себя понял: здесь налицо обе причины. С одной стороны, сыграла свою роль хаотичность работы государственных структур, с другой стороны система решила использовать «Болотное дело» в качестве повода упрятать неудобного оппозиционера в тюрьму и заодно улучшить показатели «по раскрываемости».

В итоге следствие поступило с лицемерием, типичным для российского государства и чиновничества: оно так и сделало вид, что данных видеозаписей (приобщенных к уголовному делу) не существует. Разумеется, ни о какой ответственности перед обществом российского чиновничества и государства на основании этого эпизода и других не может быть и речи. Российская государственность — это безответственное явление.

1. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 21. Л. 163.
2. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 4. Л. 54–61.
3. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 23. Л. 89–98.

Глава 13. Манипуляции с обвинительным заключением

Заключительным этапом фальсификации уголовного дела является составление текста окончательного обвинительного заключения. Поясню для читателей, что окончательное обвинительное заключение — это резюме всех материалов уголовного дела, которое предоставляется в прокуратуру на утверждение, потом поступает в суд и является главным документом, которым оперирует прокурор. Основными методами фальсификации на этом — окончательном — этапе являются: недоговоренности; искажение фактов, перечисляемых в материалах уголовного дела; игнорирование сведений, не подтверждающих версию следствия.

Недоговоренности есть сокращение материалов уголовного дела таким образом, что всё не вписывающееся в версию следствия не упоминается. Показания свидетелей обрываются на полуслове именно на том месте, где они начинают давать показания, не вписывающиеся в версию следствия. Результаты экспертизы, частично не вписывающиеся в версию следствия, также не упоминаются, цитируется только часть, соответствующая этой версии, и так далее.

Искажение фактов — пересказ сведений, свидетельствующих в пользу обвиняемого, упоминаемых в уголовном деле таким образом, что они начинают восприниматься читателем обвинения не в пользу обвиняемого, а против него. Делается это в форме предположений, через словесные обороты «тем самым», «вероятно» и т.п., но, как уже было упомянуто «прокурор оперирует предположениями как фактами», а значит, это только ухудшает положение обвиняемого.

Игнорирование сведений при составлении обвинительного заключения — это не включение в текст обвинительного заключения фактов, упоминающихся в материалах уголовного дела, не вписывающихся в версию следствия.

В целом весь документ под названием «Обвинительное заключение» есть текст, составленный языком жаргонных юридических терминов, изначально не предполагающих существование понятий «презумпция невиновности» и «недоказанность фактов следствия». Все свои выводы следствие представляет в нём как «ясные, понятные, доказанные и обоснованные».

В XVIII столетии немецкий богослов Фридрих Шлейермахер придумал дисциплину под названием герменевтика. Суть дисциплины — методика прочтения и интерпретации текстов. Так вот, методика прочтения юридических текстов российскими следователями такова, что их интерпретация искажает их смысл до неузнаваемости — белое очерняется, черное обеляется. Приведу конкретные примеры из своего уголовного дела.

В момент моего задержания в этот же день в другом городе другие следователи допрашивали мою сестру. Они показали ей видеозаписи, на которых были зафиксированы действия человека, которого следствие посчитало мной. Моя сестра показала в ходе допроса: «Мужчина в черном балахоне и зеленой кепке похож на моего брата Дмитрия, но это не он — у него другая форма лица и носа» (1). Смотрим текст обвинительного заключения — там цитируется только первая часть фразы: «человек в черном балахоне похож на Бученкова Д.Е.»(2), слова сестры «но это не он» не упоминаются.

В рамках уголовного дела был допрошен и мой брат. На первом допросе он дал противоречивые показания. Позже он пояснил, что находился в стрессовом состоянии (в квартире в момент допроса проходил обыск), а уже потом попытался вспомнить события более чем трехлетней давности. В тексте обвинительного заключения можно найти только противоречивые показания брата (3), а те показания, в которых он внятно подтверждает мое алиби, не упоминаются. Конечно, можно сказать, что «первые показания важнее», но тогда почему не упоминаются первые противоречивые показания полицейских (показания потерпевшего Моисеева С.А. от 26.11.2015 (4); показания потерпевшего Прохорова С.А. от 15.07.2015 (5); показания потерпевшего Круглова И.А. от 25.05.2015 (6), от 4.03.2015 (7); показания потерпевшего Миненка П.П. от 26.11.2015 (8); потерпевшего Зубарева М.В. от 12.05.2015 (9); потерпевшего Николаева С.А. от 29.11.2015 (10); потерпевшего Синегубова П.В. от 02.11.2013 (11)), а упоминаются только те, которые соответствуют версии следствия?

Пронырливые следователи допросили моих коллег по работе. В процессе допроса некоторым из них демонстрировалось видео, где были зафиксированы действия человека, которого следователи считали мной. Часть из коллег указала, что этот человек похож на меня, один из них указал, что не похож (12). Разумеется, в обвинительном заключении упомянуты показания только тех коллег, которые показали, что человек на видео похож на меня (13).

В обвинительном заключении мы находим ссылку на показания одного из экспертов, проводивших портретную экспертизу (14). В типичном для российского правосудия стиле следствие указывает, что выводы экспертов «носят однозначный характер». Однако, обратившись к тексту экспертного заключения, мы увидим, что эксперт указывает на низкое качество представленных для экспертизы фотографий, признаёт снимки условно пригодными. Там написано, что для представленных кадров характерны «низкое разрешение, низкая резкость и контрастность, размытость, объект изображен в капюшоне, что не позволяет произвести исследование лобной области, ушных раковин и частично области бровей и щек» и так далее. В тексте экспертизы написано, что «данные факторы не позволяют произвести исследование комплекса антропометричных данных с требуемой точностью» (15). Разумеется, в обвинительном заключении эти слова сознательно не упоминаются.

Следствие утверждало, что «Бученков Д.Е. участвовал в подготовке “Марша миллионов” 6 мая 2012 года», и ссылалось на переписку по электронной почте, которая была в распоряжении следствия (16). Тем не менее даже поверхностное изучение этой переписки дает представление, что Бученков Д.Е. участвовал в подготовке демонстрации 1 мая 2012 года, а не 6 мая 2012 года (17).

В обвинительном заключении мы находим, что полицейские, с которыми были очные ставки и опознания, «уверенно опознали» и «изобличили» Бученкова Д.Е. как преступника. Реальное же изучение показаний полицейских, как уже упоминалось, показывает, что половина из них указывали на невозможность опознать человека, который совершал против них действия, а все уточняющие вопросы защиты на очных ставках были отклонены следователем.

Таким образом:

- а) лишив адвокатов возможности задать уточняющие вопросы на очных ставках;
- б) не замечая факты, подтверждающие алиби;
- в) исказив показания свидетелей,

Генеральная прокуратура Российской Федерации в обвинительном заключении заявила, что «версия защиты полностью опровергнута» и уголовное дело состряпано (позволим себе еще раз употребить этот термин). Именно состряпано.

«Но ведь прокуратура — это орган, контролирующий следствие», спросит читатель, отдаленно знакомый с принципами работы российской государственной правоохранительной системы. «Ведь это орган, который должен надзирать за действиями следствия, предотвращать фальсификации, не давать движения тем уголовным делам, которые носят сомнительный характер».

Ничего подобного. Прокуратура — это часть государственной системы, которая также подходит к своей работе формально и бюрократически. Государственническая система правосудия — это та система, которая не вникает в суть и не желает это делать.

Если бы, например, предприниматель попытался работать по тем же принципам, по которым работает российская прокуратура или любой другой государственный орган, то он быстро бы разорился. Принцип эффективности, желание вникнуть в суть происходящего не являются принципами деятельности государственного чиновника. Основная стратегия российской государственности — это не развитие (что бы оно об этом ни заявляло), а поддержание собственного существования, что, в свою очередь, формирует самодостаточность и приводит к тому, что государственность приобретает антиобщественный характер.

В моем случае (как и во многих других случаях) прокуратура утвердила обвинительное заключение. Поставив свою подпись, прокурор Гринь полностью согласился со всеми действиями следствия. Обратим только внимание, что сделала это не какая-нибудь отдаленная районная прокуратура далекой российской глубинки. Нет, это сделала Генеральная прокуратура Российской Федерации, располагающаяся в самом центре российской столицы на улице Большая Дмитровка.

1. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 26. Л. 35.
2. Обвинительное заключение по уголовному делу № 41602007701000073. С. 171.
3. Обвинительное заключение по уголовному делу № 41602007701000073. С. 228.
4. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 25. Л.111–112.
5. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 25.Л. 98–101.
6. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 14. Л. 142–171.

7. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 14. Л. 172–174.
8. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 25. Л. 58–63.
9. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 25. Л. 88–97.
10. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 25. Л. 21–37.
11. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 25. Л. 182–185.
12. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 27. Л. 61–64.
13. Обвинительное заключение по уголовному делу № 41602007701000073. С. 174–177.
14. Обвинительное заключение по уголовному делу № 41602007701000073. С. 191.
15. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 29. Л. 35.
16. Обвинительное заключение по уголовному делу № 41602007701000073. С. 197.
17. Уголовное дело № 41602007701000073. Т. 37. Л. 179–183.

Глава 14. Образ российского полицейского в суде

В течение нескольких месяцев мне приходилось наблюдать российских полицейских, приходящих в суд и рассказывающих о перенесенных ими страданиях на митинге 6 мая 2012 года. Они приходили и рассказывали все примерно одно и то же по одной и той же схеме.

Российский полицейский как социологический тип — это средний россиянин, зажатый службой, зажатый в мыслях, убежденный в правильности государственного порядка, который он представляет. Уверенность и удовлетворенность, с которыми некоторые из полицейских произносили на суде такие фразы, как «неотвратимость наказания», «справедливость правосудия», демонстрировала неспособность этих людей понять картину российской следственно-судебной системы в целом, показывала желание видеть ее только с одной стороны — со стороны государственных служащих, но не со стороны общества.

В тюрьме мне несколько раз пришлось наблюдать только что помещенных под стражу людей, не являющихся ни убийцами, ни жуликами, уверенных в правильности порядка российской государственности, встроенных в государственную систему на гражданские должности. Действия и мысли, которые будоражат их голову первые два месяца адаптации к тюрьме, примерно одинаковы, независимо от характера и темперамента конкретной личности. Это «классический» набор мыслей: «я не виноват», «в суде разберутся», «они просто ошиблись», «такого быть не может» и так далее. В течение первых двух недель в изоляторе такие люди судорожно строчат письма во все возможные органы государственной власти, пишут огромные жалобы на десяти страницах в прокуратуру, которые прокурор никогда не прочтет, пытаются поговорить с начальником тюрьмы, чтобы «всё объяснить», чтобы им дали позвонить начальству и «рассказать правду о том, что они не виноваты» и предпринимают иные совершенно бесполезные действия. Постепенно, не получая никаких ответов, постепенно понимая, что многие их сослуживцы просто не хотят с ними выходить на контакт из страха, постепенно их представления о государственной системе российской федерации меняются. Нет, я не утверждаю, что они становятся антигосударственниками, — нет, конечно, но некоторые базовые представления об обществе и государстве у них значительно корректируются, и, разумеется, не в пользу последнего.

Полагаю, что любой из полицейских, выступавших против меня в суде, оказавшихся бы вдруг в качестве обвиняемого в СИЗО, в суде, в Следственном комитете, был бы сильно удивлен, увидев, какую антиобщественную систему они защищают (если бы, конечно, хватило бы на это смелости и сообразительности — ведь избивать митингующих много ума не надо).

Несмотря на желание выглядеть на суде как представители власти, обладающие превосходством, полицейские производили довольно жалкое впечатление. «Он схватил меня за рукав, и я испытал физическую боль», «я испытал страх», «я думал о том, как сохранить свою жизнь», «за медицинской помощью я не обращался, но мне было больно», — такие фразы произносили на суде физически крепкие, розовощекие мужики. Вольно (или невольно) полицейские, перенесшие страдания оттого, что кто-то их толкнул на митинге, производили впечатление существ убогих и обиженных. В сочетании же с тем, что умышленно (или нет) они лгали на суде, это производило довольно мерзкое впечатление. Так называемые «представители закона» думали, что они представляют и защищают таким образом закон. На самом же деле подобным поведением в суде в самом негативном свете они представляли российскую государственность.

Неспособность полицейских назвать признаки внешности преступника Бученкова, которого они «опознали» спустя четыре года при одновременном сочетании с уверенностью, что это именно он, только добавляет негативных красок в образ российского полицейского. Остап Бендер приравнял как-то милиционеров к детям и, вероятно, не зря: с детской наивностью полицейские в суде говорили, что «запомнили» меня потому, что их «обучали запоминать всех, кто совершает противоправные действия».

Адвокат Илья Новиков довольно быстро ловил их на этой фразе: «Вы проходили обучение как полицейский?» — задавал он вопрос. «Конечно — в академии», — отвечал ничего не подозревающий полицейский. «Вас обучали запоминать особые приметы людей, давать портретное описание?» «Да, обучали». «Тогда дайте портретное описание и опишите особые приметы человека, которого вы видели на Болотной площади». Ни один из полицейских не смог сделать этого.

Ложь, которую озвучивали полицейские в своих показаниях в суде, может

быть объяснена несколькими причинами:

- а) убежденность в том, что Следственный комитет РФ не может ошибаться;
- б) убежденность в том, что кто-то всё равно должен понести наказание за события на Болотной, и пусть даже Бученков там и не был, но он же всё равно выступает против власти — вот пусть и отвечает;
- в) представление о корпоративной солидарности — пусть Бученкова не было на Болотной площади, пусть у нас нельзя судить за убеждения по закону, но СК ошибся, я и мои коллеги уже дали показания, поэтому, чтобы государство сохранило лицо, нужно всё равно придерживаться официальной версии. То, что Бученков привлечен к ответственности вместо другого человека, не так важно, главное — чтобы ни у кого не возникло подозрений в ошибке всей системы.

По способу поведения на суде полицейских условно можно разделить на два типа. Первый тип — это полицейские, пытавшиеся продемонстрировать уверенность, некоторые даже бравировавшие тем, что «они-то точно правы» и выступают на стороне закона. Второй тип — это полицейские, как бы даже стеснявшиеся всего происходящего, желающие, чтобы всё это как можно скорее закончилось. Вторые, казалось, давали показания как будто нехотя, первые же проявляли энтузиазм и творческий подход.

На заседании суда 12 июля 2017 года полицейский Моисеев Д.А. заявил, что не может назвать признаки, по которым «опознал» меня как участника событий 6 мая 2012 года на Болотной площади. На заседании суда 19 июля 2017 года трое полицейских — Смирнов Д.В., Юшков В.А. и Штолин И.В. — как один заявили, что «опознали Бученкова по носу».

На заседании суда 26 июля 2017 года полицейский Николаев С.А. заявил, что «опознал Бученкова по глазам», а его коллега Феляев Р.А. повторял, что «опознал по наглым действиям», а на просьбу судьи пояснить, что это значит — «наглые действия», повторял, что это «неоднократные действия».

На заседании суда 21 августа 2017 года полицейский Зубарев М.В. повторил, что «опознал по носу и глазам». Полицейский Шашков Д.Н. на заседании суда 8 сентября 2017 года пояснил, что «видел у Бученкова только нижнюю часть лица, так как верхняя была закрыта», но при этом был уверен, что это именно Бученков присутствовал на Болотной площади.

На заседании суда 14 сентября 2017 года полицейский Марков С.А. настойчиво заявлял, что «опознал по лицу», но так и не смог пояснить,

по каким конкретно признакам лица он опознал в Бученкове человека с Болотной площади.

Владимир Дмитриев написал по этому поводу стихотворение, которое мы и приводим в конце данной главы:

Нос по судам водили,
Как будто напоказ.
В полиции твердили:
«Сей Нос напал на нас!»

И в ужасе от Носа
Юшков, Смирнов и Штолин,
И избежать допроса
Из них никто не волен.

Они расскажут судьям
Про тех бойцов ОМОНа,
Что защищали грудью
Российские законы.

«Кто сей преступник и подлец,
Кто покусился на святое?
Кто дерзко положил конец
Порядку, миру и покою?»

Мы вам ответим на вопрос —
У нас как раз пришёл донос:
Переворот и барагоз
Устроил неизвестный Нос!

Как неизвестный? Нет такого?
Тогда хватайте Бученкова!
И пусть на Нос он не похож,
И пусть там не был — ну и что ж?

Себе позволить мы не можем
Не узнавать Носов по рожам.
И вам ответить можем гордо,
Что узнаём Носов по мордам.

Вот ваша морда нам известна,
А ваша— только интересна.
Так что сидите и давайте
Носов своих не задирайте.

Сидите молча мордой в пол —
У нас теперь такой прикол:
Увидел чей поднятый нос —
Хватайся сразу за дубос,
Махай дубинкой и не ссы,
Ломай поднятые носы!

Тут нету никакой морали —
Тут будут врать, и раньше втали,
И, наплевав на экспертизы,
За нос вменяют экстремизм.

Глава 15. Российский суд как система производства заведомо обвинительных приговоров

Российской судебной системе, как и любой имперской судебной системе, безусловно, необходимо посвящать отдельные исследования. Это система формирования иной реальности, и то, как она работает, нуждается в пристальном внимании политологов, историков и социологов. В данном случае автор описывает лишь личные впечатления от того, как работает эта система.

Формально судопроизводство включает в себя собирание доказательств вины или невиновности подсудимого. Данным доказательствам дается оценка, и на основе этого суд выносит приговор. По факту же весь процесс судья сводит к тому, чтобы извлечь из огромной массы проговоренных слов нужные для приговора слова, облечь их в бюрократические формы, а потом выдать их в обвинительном приговоре «именем Российской Федерации».

В Замоскворецком суде Москвы заседания по поводу меня происходили с апреля по октябрь 2017 года, и уже на первых заседаниях стал понятен настрой судьи. На одном из первых заседаний защита подала ходатайство о допросе моей жены, которую следствие записало в свидетели обвинения, хотя в 2012 году мы даже не были знакомы. По закону моя жена не могла находиться в зале судебного заседания до тех пор, пока ее не допросят, но поскольку ничего существенного для обвинения она сказать не могла, да и не хотела (намередаясь воспользоваться ст. 51 Конституции), мы хотели бы, чтобы обвинение ее допросило и она бы не ждала меня в судебном коридоре. Прокурор вроде бы даже согласилась, но судья как-то странно забеспокоилась по этому поводу и отклонила ходатайство. В результате, четыре месяца судебных заседаний моя жена дождалась меня в коридоре.

Принято считать, что суд должен быть беспристрастным и нейтральным, но это только к теории. По факту же суд в российской государственной системе встроен в государственную организацию, не имеет над собой никаких инструментов общественного контроля, а потому отстаивает в первую очередь корпоративные интересы российской государственной организации. Безусловно, вопрос о том, как сделать суд одновременно беспристрастным (подчеркиваем: беспристрастным, а не формально-равнодушным) и общественно подконтрольным,

нуждается в проработке, однако этот вопрос можно разрешить. Для этого необходимо ввести выборность судей населением, а также институт общественного контроля над судьями, созданный из представителей социальных групп, не являющихся государственными служащими. В данном случае я говорю об огосударвленном обществе.

Судья в российской системе не является нейтральным, особенно когда это касается уголовных дел, в которых содержится политическая составляющая. Симпатии судьи находятся на стороне обвинения, и, как правило, судья этого не скрывает. Вот несколько случаев, позволившие мне сделать вывод, что судья Семёнова Л.В. не нейтральна и ее интересы находятся на стороне обвинения:

На заседании суда 27 июля 2017 года при допросе свидетеля Буренкина А.А. прокурор Апухтина не догадалась задать вопрос: можно ли с помощью средств видеofиксации, установленных на трассе, определить, кто находится в машине? Свидетель Буренкин ответил, что нельзя. Очевидно, судья задала этот вопрос для того, чтобы нейтрализовать данные системы видеонаблюдения, подтверждавшие мои показания о том, что 5–8 мая 2012 года я выезжал из Москвы на своем автомобиле. Это нужно было судье для того, чтобы «обыграть» эти слова в приговоре.

На заседании суда 28 июля 2017 года судья задала вопрос свидетелю стороны обвинения Большакову А.А., который по факту выступил как свидетель защиты. Она спросила, почему свидетель Большаков А.А. не указал в протоколе, что допрос длился дольше, чем указано в протоколе. Там было написано: «допрос Большакова А.А. длился 55 минут», в то время как в протоколе перечислено большое количество видеофайлов, которые якобы были продемонстрированы свидетелю в ходе допроса и общая длительность которых — несколько часов. Было ясно, что следователь не мог за такое небольшое время показать свидетелю видеозаписи и одновременно с этим допросить его. Очевидно, что судья задала данный вопрос для того, чтобы нейтрализовать показания Большакова А.А., из которых следовало, что его допрос во время следствия был проведен с нарушениями.

На заседании суда 21 сентября 2017 года, когда свидетель защиты Бученков Е.И. ошибся и назвал дату моего приезда в Нижний Новгород 6 мая, а не 5 мая, судья Семёнова несколько раз с радостью переспросила: «Когда? Когда приехал?» Вероятно, Семёнова Л.В. задала этот вопрос для того, чтобы «обыграть» в пользу обвинительного

приговора мои показания о том, что я приехал в Нижний Новгород 5 мая 2012 года, то есть до событий на Болотной площади.

На заседании суда 12 октября 2017 года судья Семёнова Л.В. задала вопрос эксперту со стороны защиты Бахареvu Н.Г.: «Вы оценивали результаты экспертизы, которую вам представили в копиях?» Очевидно, что данный вопрос мог быть сформулирован для того, чтобы нейтрализовать показания эксперта со стороны защиты, который говорил в суде, что экспертиза, выполненная по инициативе следствия, крайне низкого качества.

На заседании суда 13 октября 2017 года судья Семёнова Л.В. отказалась называть новые даты судебных заседаний, аргументировав это тем, что «у стороны защиты было достаточно времени для предоставления доказательств». Это при том, что доказательства сторона защиты начала предоставлять только с 21 сентября, в то время как сторона обвинения предоставляла доказательства почти четыре месяца — с 24 мая по 14 сентября 2017 года.

Большая часть вопросов, которые судья задавала свидетелям, была направлена на формирование доказательной базы обвинения. Одновременно с прокурором она пыталась запутать свидетелей защиты, поставить их в тупик, пыталась ловить свидетелей защиты на противоречиях. Особенно вежлива и обходительна судья Семёнова Л.В. была со свидетелями обвинения, то есть с российскими полицейскими, демонстрируя в общении с ними в суде галантность, внимательность и хорошие манеры. Как только в суд являлись свидетели защиты, судья Семёнова Л.В. становилась суха, скупа на вежливые слова и всем своим видом демонстрировала скептическое отношение.

Можно еще как-то понять каверзные вопросы свидетелям со стороны прокурора — в этом его работа, — но когда подобные вопросы многократно следуют со стороны судьи, то напрашивается вывод о том, что симпатии судьи находятся на стороне обвинения, а значит, судья не нейтральна и не независима.

Российский суд — это торжество формализма и бюрократии. Российский суд — апогей бюрократического лицемерия. Если вы думаете, что в российском суде действительно будут исследовать доказательства вашей невиновности, то вы глубоко заблуждаетесь. Здесь, как и в большинстве случаев, господствует формально-

бюрократический подход. Опишу на собственном примере, как реально происходит «исследование доказательств» в суде.

На судебном заседании 9 октября 2017 года судья разрешила «исследовать» ту часть видеозаписей, на которых было хорошо видно, что человек, действия которого мне вменяют, — это не я. В огромном — сточасовом — массиве видеофайлов, приобщенном к уголовному делу, было несколько секундных эпизодов хорошего качества, где человек, действия которого мне вменяли, был без капюшона, куртки, и лицо его было зафиксировано крупным планом.

В зале судебного заседания висело два больших экрана, и еще за три месяца до демонстрации видео я поинтересовался у адвокатов: как сделать так, чтобы нам позволили показать эти эпизоды именно на больших экранах? Адвокаты отвечали мне, что вероятность показать эти эпизоды так, как нужно — на большом экране, медленно прокручивая их по кадрам, чтобы присутствующие в зале судебного заседания видели, что там изображен другой человек, — фактически равна нулю. Исследование доказательств, кажется, подразумевает вдумчивую, внимательную работу, но в российском суде это не так.

Как же всё происходит на самом деле? На самом деле в зал заседаний принесли старый ноутбук и переносной жесткий диск с видеофайлами. Судья Семёнова Л.В. попыталась подключить диск к компьютеру у себя на столе. После нескольких попыток я — подсудимый — подошел к ней и стал по очереди включать видеофайлы, перечисленные в ходатайстве адвоката. Естественно, всё это происходило вдалеке от публики, пришедшей на суд, которой с большого расстояния просто ничего не было видно. Фактически же всё свелось к тому, что видеофайлы просматривали я и адвокат — а мы их видели и без того много раз, — а судья сонно смотрела то в окно, то в сторону и лишь изредка в ноутбук. Формально после этого можно было заявить, что «ходатайство стороны защиты удовлетворено, видеозаписи просмотрены в судебном заседании», фактически же это означало, что судья демонстративно проигнорировала доказательства со стороны защиты.

Конечно, с формальной точки зрения можно было бы сказать, что «судья не специалист», она, мол, не может оценивать правильно видеозаписи, пусть даже и приобщенные к материалам дела. На деле же это демонстрирует нам один из принципов работы российской государственной организации — формализм.

Глава 16. Отличительные черты российской следственно-судебной системы: показуха, равнодушие и формализм

«В России судебная процедура вовсе не главное, она играет лишь побочную, вспомогательную роль. Самое важное — надежно запереть узника, держать его в “строгом заточении”. А судить, расследовать улики, устанавливать его вину или невиновность — со всем этим спешить некуда, можно и подождать», — писал русский писатель и революционер С.М. Степняк-Кравчинский (1) в 1885 году. С тех пор немного изменилось: мы имеем перед собой ту же самую огромную и подавляющую государственную организацию. Отличительные черты работы этой организации (не те, как они записаны в конституции, а реальные принципы работы) — это показуха, равнодушие и формализм.

Мы позволим себе этот разговорный термин — «показуха», — поскольку он наиболее точно обозначает явление, о котором мы хотим сказать. Показуха есть такая особенность деятельности бюрократа, которую отличает нарочитая демонстративность, сознательно подстроенная под восприятие отдельных лиц с целью продемонстрировать успешную работу. Показуха есть стремление продемонстрировать успешность деятельности конкретным высшим должностным лицам или недалеким обывателям с четким следованием сложившейся сиюминутной конъюнктуры. При этом часть информации утаивается, сознательно выпячивается только одна сторона дела.

Пример. Ректор МГУ встречается с президентом России и озвучивает на этой встрече информацию, согласно которой МГУ вошел в первую десятку вузов мира по востребованности выпускников у работодателей. Информация подается как некое достижение, вероятно, предшествует просьбе ректора увеличить финансирование вуза и активно распространяется средствами массовой информации. Берется один специфический критерий и не озвучивается общая картина в целом, из которой мы узнаём, что ведущий российский университет России не входит даже в первую полусотню университетов мира. Это и есть показуха — нарочитая демонстративность, производящаяся исходя из сиюминутных специфических задач.

Мы позволим себе также термин «равнодушие», поскольку он

также наиболее точно выражает принцип, о котором мы хотим здесь сказать. Конечно, можно было бы сказать «индифферентность», но этот термин был бы применим, если бы должности в государственной организации замещали роботы. В действительности мы знаем, на каждой должности находится человек, который чувствует симпатию или антипатию, преследует собственные интересы. Если бы чиновники действительно были бы роботами, то необходимости в этой книге просто бы не было. Равнодушие часто выдается чиновниками за объективность, но между этими терминами есть существенная разница.

Равнодушие — не научный термин, но он наиболее точно отражает стиль работы чиновника следственно-судебной системы. Оно выражается в нежелании чиновника выяснить, действительно человек преступил закон или он невиновен, в безразличии к тому факту, что система ежегодно ломает тысячи человеческих судеб, тысячи невинных сажаются в тюрьму, а наказание многим неадекватно жестокое.

Пример. В суде рассматривается апелляция заключенного на меру пресечения. Заключенный сидит в тюрьме уже третий год и просит отпустить его на домашний арест. Заключенный аргументирует свои слова тем, что: 1) Доказательства по уголовному делу давно уже собраны и, значит, «уничтожить доказательства он не может»; 2) скрываться за границей он не собирается, поскольку заграничный паспорт у него изъят следователями; 3) «продолжать заниматься преступной деятельностью» он не собирается, поскольку ранее не судим, а сам считает, что преступления не совершал; 4) «оказать давление на свидетелей» он не может, так как никаких попыток связаться со свидетелями из тюрьмы он не предпринимал.

Судья выслушивает арестованного и выносит постановление «в ходатайстве отказать». Судье неинтересно вникать в суть дела арестованного — на данном этапе законодательство не обязывает его это делать, а потому «пусть сидит дальше, и нет времени разбираться».

Что касается формализма, то формализм есть повышенное внимание к процессуальным, формально-бюрократическим моментам, вместо того чтобы разбираться в сути. Формализм как принцип деятельности должностных лиц государственной организации есть средство манипуляции в интересах чиновников.

Пример. На большом совещании чиновников небольшого районного

центра начальник полиции отчитывает подчиненного. Он выносит отрицательную оценку его работе, поскольку в подконтрольном ему населенном пункте количество тяжких преступлений за последний квартал «увеличилось в два раза». Ознакомившись со статистикой преступлений, узнаём, что в отчетный период в деревне было совершено одно убийство: пьяница убил во время попойки другого пьяницу. В предыдущие три месяца убийств не было — таким образом, в деревне наблюдается «рост преступности», «отсутствует профилактическая работа по предотвращению преступлений» и так далее. Этот пример — не выдумка автора, а реальный случай. Более того, это не единичный курьез, это принцип повседневной работы чиновничества. Чиновники начинают вникать в суть происходящего только тогда, когда ситуация резко выходит из-под контроля, когда слишком поздно.

Конечно, это не значит, что абсолютно все чиновники работают по такому принципу. Высшие должностные лица государственной организации, кроме того, что они чиновники, являются еще и политиками. Кроме вопросов текущего руководства они озабочены также и вопросом удержания власти, что предполагает аналитические способности уровня выше среднего, без чего удерживать длительное время власть невозможно. Но это — исключительные лица, в то время как основная масса действует по названным выше трем принципам.

Российский институт социологии РАН в 2015 году выпустил книгу «Российский чиновник: социологический анализ жизненного мира государственных и муниципальных служащих». Несмотря на некоторую странную тенденцию — представить российских чиновников как неких страстотерпцев, много работающих и встречающих в ответ на свою работу негативное отношение граждан, — авторам удалось затронуть действительную суть чиновничьего класса. «Там, где снята задача осмысления и понимания происходящего, возникают собственные зоны смысла, приводящие к паразитированию на общих социальных отношениях в пользу частных интересов отдельных групп» (2), — указывают авторы. «Чиновники трудятся», — постоянно указывают авторы. Ну как будто остальные граждане иных социальных групп и профессий не трудятся!

В чём конкретно воплощаются указанные три принципа (показуха, равнодушие и формализм) в российской следственно-судебной системе? Поясним и это.

Российское следствие построено так, что его задача — обвинить в большем, чем есть на самом деле. Понятно, что задача следствия изначально заключается в том, чтобы обвинить человека, но российское следствие стремится утяжелить вину, вменить как можно больше тяжких или особо тяжких статей подозреваемому. Это происходит потому, что чем больше «особо опасных преступлений» раскрыл следователь, тем больше вероятность продвижения его по карьерной лестнице и тем больше поощрений от начальства. Иерархическая система государства работает по принципу, положенному в основу дрессировки собак: за представленный результат следует поощрение, за невыполнение — наказание, и при этом часто не важно, каков этот результат на самом деле и каковы его социальные последствия.

Завышение тяжести преступлений в России повсеместное явление: чем больше тяжесть вменяемой статьи, тем больше человека можно держать в СИЗО, а то, что тяжкая статья в ходе судебного разбирательства будет снята, за это никакой ответственности по законодательству для следователя не предусмотрено. Таким образом, обществу преступность с точки зрения статистики представляется в более значительном виде, чем это есть на самом деле.

Равнодушие, свойственное российской следственно-судебной системе, выражается в том, что в процессе своей деятельности она стремится в первую очередь отстоять свои корпоративные — государственнические, а не общественные интересы. Когда средний россиянин попадает в тюрьму, он теряет работу, у него разрушается семья, если он предприниматель — рушится его бизнес. Социальные последствия, которые наносят обществу в целом государственные органы, в данном случае более тяжелые, чем те преступления, которые совершили обвиняемые. Эти последствия следственно-судебная система не учитывает.

Характерным примером является судебное решение в отношении одного банкира, который был моим сокамерником в тюрьме. На третий год судебно-следственного разбирательства (в течение которого человек всё время находился в СИЗО) судья в очередной раз отказала в ходатайстве об изменении меры пресечения с содержания под стражей на домашний арест. Среди формулировок, обосновывающих отказ, было указано, что подсудимый «утратил связи с обществом». Подобная формулировка после неоднократных отказов на просьбы отпустить из СИЗО на домашний арест выглядела по меньшей мере как циничное

издевательство. Сначала продержали человека почти три года в СИЗО на спецрежиме, а потом констатировали, что он «утратил связи с обществом».

Следственно-судебная система России настроена таким образом, что главным критерием успешности ее работы является не снижение уровня преступности (по факту), а скрупулезное соблюдение процессуальных деталей, закрепленных в нормативных актах, регулирующих ее работу. Чиновника «системы» реальное наказание ждет за несоблюдение процессуальных норм, а не за то, что он посадил в тюрьму невиновного. Поэтому чиновник следственно-судебной системы России прежде всего формалист: не нарушил предписанные тебе параграфы и пункты— молодец, а то, что невиновный сидит плевать!

1. Степняк-Кравчинский С.М. Соб. соч. в 2 т. Т. 1. М., 1987.С. 90.
2. Российский чиновник: социологический анализ жизненного мира государственных и муниципальных служащих. Под ред. Д.М. Рогозина. М., 2015. С. 219.

Глава 17. Почему так происходит?

Недостаточно просто констатировать какое-либо явление, важно попытаться объяснить почему так происходит, то есть почему следственно-судебная система в России является именно такой — корпоративной и антиобщественной, носит карательно-антигуманный характер. Следственно-судебная система является частью государственной организации, а потому невозможно понять ее важнейшие свойства, не касаясь вопроса о самой российской государственности.

Российская государственная организация носит классовый характер. То есть российское государство есть социальный институт, состоящий из социальных групп, которые в общей совокупности образуют общественный класс. Этот класс в обиходе называют «чиновничество» или «бюрократия». Российская буржуазия в самом широком смысле этого слова слаба как класс и политически разрознена, так же как и пролетариат. Влияние имеет только та высшая группа буржуазии, которая лояльна к чиновничеству и имеет с ним прямые неформальные каналы взаимодействия.

Употребляя термины «буржуазия», «пролетариат», автор данного текста осознаёт, что они носят расплывчатый характер и нуждаются в социологической конкретизации, когда мы говорим о социальных отношениях в современной России. Тем не менее необходимость такой социологической конкретизации не отрицает сам факт наличия данных классов в стратификации российского общества. Мало кто из социологов решится отрицать существование классов (1) в современной России. Что касается дискуссии о том, является ли бюрократия классом, то автор считает, что она превращается в класс лишь на определенном историческом этапе.

Автор данного текста считает адекватной теорию югославского коммуниста Милована Джиласа, которую он высказал в книге «Новый класс». «Самой большой иллюзией было предположение, что уничтожение капиталистической собственности, коллективизация и индустриализация в Советском Союзе приведут к бесклассовому обществу. В 1936 году, когда была обнародована новая советская конституция, Сталин заявил, что “класс эксплуататоров” перестал существовать. И в самом деле, класс капиталистов и другие прежние классы были уничтожены. Зато был создан новый класс, которого история до сих пор не знала (...).

Этот новый класс — бюрократия, или, точнее выражаясь, политическая бюрократия — обладает всеми характерными чертами прежних классов» (2). Добавим только от себя, что этот новый класс, оформившийся в 1930-е годы, по-прежнему правит Россией, только под другими вывесками.

Работники следственно-судебных органов, несмотря на отличия их деятельности от хозяйственно-учетно-распределительной деятельности остального чиновничества, являются такими же чиновниками, как и все прочие. Только по степени влияния на общество они стоят выше других чиновников, поскольку у них есть исключительное право лишать людей свободы.

Для того чтобы лица, замещающие должности в следственно-судебных органах, могли совершать действия, описанные в главах выше, необходимы два условия. Первое — отсутствие общественного контроля над их деятельностью, второе — негласная санкция на данные действия со стороны высших должностных лиц государственной организации. Первое в Российской Федерации отсутствует, второе — присутствует.

Политическая подоплека данной свыше санкции такова. С 2012 года и по настоящее время в политической истории России начался очередной период охранительного консерватизма. Внутренняя политика В. Путина стала более консервативной, а власть — более авторитарной. Для осуществления авторитарной власти нужна подконтрольная следственно-судебная система, работники которой могли бы более свободно действовать, осуществляя возложенные на них политические задачи, и они их осуществляют.

Далее последствием классового характера российской государственности является ее корпоративность.

Корпоративность означает прежде всего самодостаточность российской государственности — следственные органы работают прежде всего на себя и для себя, по ими же самими установленным внутрикорпоративным правилам, имеющим приблизительное отношение к понятию общественная польза. Вот простой пример корпоративности российской следственно-судебной системы.

В суде рассматривается дело, в ходе которого становится очевидным, что обвиняемый невиновен — доказательная база, собранная следствием, является крайне неубедительной, сформирована посредством

манипуляций, игнорирования фактов и бюрократических уловок. Это выясняется уже спустя более года ведения следствия, в ходе которого арестованный находился в тюрьме. Несмотря на всю очевидность невинности, судья не выносит оправдательный приговор, поскольку:

- а) в сложившейся практике российского правосудия оправдательный приговор это «чп»;
- б) вынесение оправдательного приговора автоматически дает право обвиняемому требовать компенсации;
- в) вынесение оправдательного приговора является поводом для возбуждения уголовного дела против следователей.

То есть оправдательный приговор порождает для чиновников массу проблем, поэтому судья или выносит обвинительный приговор, или прекращает дело, или отправляет дело на дорасследование — то есть на новый виток бюрократического «бумагопроизводства».

С точки зрения общества очевидно, что оправдательный приговор был бы полезнее: он прекратил бы ненужные общественные затраты по этому уголовному делу и дал бы понять следователям, что не нужно фальсифицировать уголовные дела. Однако сложившаяся практика российского правосудия такова, что корпоративные интересы государственной организации ставятся выше общественных интересов. Казалось бы, если бы следователи знали, что они понесут ответственность за фальсификацию уголовных дел, то они бы их не фальсифицировали. Однако следователи знают, что современная корпоративная практика ограждает их от ответственности, а потому и позволяют себе фальсификации.

Вспомним известный эпизод из фильма «Место встречи изменить нельзя», когда следователь Жеглов подкидывает карманнику по прозвищу Кирпич бумажник и Кирпич отправляется в тюрьму на несколько лет. Следователь Жеглов подкидывает бумажник для того, чтобы надавить на карманника и получить от него информацию о некоторых лицах уголовного мира. По своей сути этот эпизод есть превышение должностных полномочий, являющееся уголовным преступлением, но следователя Жеглова никто не отправит в тюрьму, потому что: а) никто из коллег Жеглова, даже несмотря на несогласие с его действиями, не будет давать на него показания; б) судья не поверит Кирпичу в том, что бумажник ему подкинул Жеглов. Жеглов — милиционер, а Кирпич — лицо из криминального мира.

Вот тот редкий случай, когда «Жеглова» привлекают к ответственности:

«Басманный суд арестовал старшего оперуполномоченного управления “Т” Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции (ГУЭБиПК) МВД РФ Астафурова и его предполагаемого пособника, бывшего гендиректора ФГУП “Промресурс” Владимира Спиридонова.

Полицейскому предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного пунктом “в” ч. 3 ст.286 УК РФ (превышение должностных полномочий с причинением тяжких последствий).

По версии следствия, Астафуров, работая в то время в управлении антикоррупционного главка МВД по борьбе с преступлениями в сфере металлургии (управление “М”), превысил должностные полномочия, фальсифицировав часть результатов оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), на основании которых были привлечены к уголовной ответственности владелец Челябинского трубопрокатного завода Андрей Комаров и его адвокат Александр Шибанов.

В марте 2014 года им было предъявлено обвинение в коммерческом подкупе (п.п. «а, б» ч. 2 ст. 204 УК РФ).

В феврале 2016 года стало известно, что уголовное дело в отношении Комарова и Шибанова прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления...» (3).

Как видно из этого примера, следователю не удалось сфальсифицировать уголовное дело, потому что оно стало достоянием общественности, а привлеченное лицо — директор завода — имеет высокий социальный статус и возможность противодействовать манипуляциям следователя. Но это редкий случай. Когда на месте директора завода обычный, средний житель России, он отправляется в тюрьму.

Другая причина (помимо классового характера российской государственности и корпоративного характера государственной организации), по которой оказывается возможным всё, что описано в этой книге — нарушение алгоритма социального поведения у должностных лиц государственной организации.

Автор описал данный социальный феномен в статьях «Должность как элементарная единица государства», «Закон Макиавелли», «Алгоритм социального поведения». Здесь мы вкратце опишем это. В обществе действует такое явление, как алгоритм социального

поведения. Индивид совершает асоциальное действие, и за ним следуют социальные санкции. Индивид совершает кражу, его ловят, и за этим следует наказание. Глава правительства вводит войска в другую страну для ведения войны, в ходе которой гибнет несколько десятков тысяч человек. Через несколько лет войска из страны выводятся, задекларированная цель так и не достигается, никто не несет за это ответственности. Можно, конечно, сказать, что это — несоизмеримые примеры. Однако в первом случае алгоритм социального поведения работает, во втором — нарушается. Речь идет об индивидах, которые совершают кражи, убийства, насилие, но формально не несут за это никакой ответственности, поскольку являются должностными лицами государственной организации и совершают эти действия с разрешения этой организации.

Алгоритм есть заранее заданная последовательность действий субъекта (индивида) или системы. Индивиды обладают социальным статусом и социальными ролями. Исходя из этого и делается утверждение, что модель поведения индивида в обществе задана его позицией в системе социальных отношений. Разумеется, мысль эта сама по себе не нова. Во многом на этом утверждении построена теория социального действия американского социолога Толконтта Парсонса. Алгоритм социального поведения является не гипотетическим допущением, а объективно наблюдаемым явлением. Это объективно присутствующий в обществе механизм, а нарушение алгоритма социального поведения, таким образом, есть объективно существующее явление.

В данном случае мы выходим на известную теоретико-философскую проблему «стражей закона»: есть страж закона, а кто будет следить за самим стражем закона? В государственных системах разных стран, конечно же, делаются попытки организовывать «надсмотрщиков за надсмотрщиками», но они малоэффективны. Контролировать «стражей закона» могут только те социальные группы, которые не входят в государственную систему, во всех остальных случаях подобный контроль есть откровенная профанация.

1. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация современной России. Опыт эмпирического анализа. М., 2006; Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2016 и т.п.

2. Джилас М. Новый класс. Нью-Йорк, 1961. С. 52–53.

3. Интерфакс // <http://www.interfax.ru/moscow/561792> (дата обращения: 15.12.2017).

Глава 18. Что делать с такой системой?

Разрешение вопроса о том, как сделать российскую следственно-судебную систему более гуманной и общественно полезной, находится за рамками известной дискуссии персонажей фильма «Место встречи изменить нельзя». В этой дискуссии Жеглова и Шарапова последний обвиняет первого в манипуляции законодательством, а Жеглов оправдывает свои манипуляции общественной пользой. Очевидно, когда подобные манипуляции становятся сложившейся практикой следствия, то вреда от них больше, чем пользы. К тому же Жегловым руководила искренняя убежденность, в то время как некоторыми современными чиновниками от следствия руководит стремление сделать карьерный рост, а иногда просто стремление сфальсифицировать уголовное дело, чтобы заработать на этом денег. Высшему должностному лицу государственной организации совершенно недостаточно «издать указ», запрещающий манипуляции и фальсификации. Формально они и так запрещены. Дело совсем не в этом.

Теоретически демократизировать российскую следственно-судебную систему можно уже сейчас. Для этого нужно ввести выборность населением судей, выборность населением районных начальников полиции, ввести понятие «адвокатское расследование», чтобы адвокаты не были столь беспомощны перед манипуляциями следователей, и изменить ряд моментов в законодательстве (ввести наконец содержание один день в СИЗО как два дня тюремного срока; обязать следователей сообщать родственникам о месте нахождения задержанного сразу после его задержания; обязать следователей предоставлять задержанному возможность найти адвоката по соглашению сразу же после задержания; обязать чиновников сразу же сообщать родственникам осужденного об его этапировании и т.п.).

Однако внимательный взгляд на современную российскую государственность говорит нам, что при таком сверхконсервативном режиме данные преобразования невозможны. В данной ситуации возможность необходимых преобразований упирается в политические препятствия. Решение об осуществлении данных преобразований — волевое политическое решение, но оно не может быть принято сегодняшним господствующим классом. Не потому, что у этого класса нет воли, а потому, он поставил себя в такие условия, что таким решением подточил бы основы своей собственной власти.

Система права, действующая сегодня в России и многих других государствах, несовершенна. Основной ее недостаток не в ее содержании (сформулированная в кодексах, теоретически она является гуманной), а в том, что она используется организацией, которая манипулирует ею в интересах господствующего класса. Это государственническая система права, которая в будущем могла бы быть заменена либертарным правом.

Ввиду формализма и бюрократизированности государственническое право в представлении людей перестает иметь отношение к морали и нравственности; в представлении людей закон — одно, а совесть другое. Государственническое право теряет связь со своим основным смыслом. Воспринимается как чуждое, не имеющее отношение к морали и нравственности, нечто формальное — вроде этикета или воинского устава.

Решения органов российской судебно-следственной системы носят заведомо обвинительный характер, а действия следователей исходят из тезиса, что «кто-то должен ответить», поэтому в реальной практике начинает работать принцип «виноват не тот, кто сделал, а тот, кто попался».

Характерным примером реальной — а не формальной и не той, как она сама о себе рассказывает в бюрократических отчетах, — эффективности работы государственной организации является работа магазина в тюрьме. Когда я находился в СИЗО № 5 г. Москвы, была официальная возможность заказывать продукты через электронный магазин, организованный ФГУП «Калужский». С коммерческой точки зрения этот магазин — что называется, золотая жила. При желании за счет него можно было бы сделать целое состояние: поскольку магазин был монополистом, цены на товары в нем превышали цены в обычных магазинах в 3–4 раза, но заключенные всё равно рады были делать в нём покупки, поскольку это реальная возможность не есть всё время баланду. В нём можно было приобрести товары, которые не разрешалось передавать родственникам. Однако обновление ассортимента было организовано так, словно заведующие магазином издевались над покупателями. Товаров, которые больше всего пользовались спросом в магазине, почти всегда не было. Их можно было ждать неделями. Бюрократы, заведовавшие магазином, были не заинтересованы в прибыли. Вся российская государственная организация работает примерно таким же образом — на первом месте самосохранение и отчетность, и если в ее работе появляются какие-то положительные тенденции, то только благодаря отдельным людям и вопреки сложившейся системе отношений.

Основные недостатки российской следственно-судебной системы современного вида в том виде, в котором она существует сейчас, проявляются в следующем: она препятствует дальнейшему развитию страны, отделяет нравственность от закона, используется как инструмент подавления в политической борьбе и экономических спорах.

В классовом обществе (а российское общество является классовым) гуманизм права может достигаться только: а) через соглашение между классами (социальными группами), б) через контроль за этим соглашением. В российском обществе — в современной ситуации — данное соглашение не может быть достигнуто, поскольку любые попытки социальной самоорганизации, независимо от государства, подавляются государством. Не то чтобы автор данной книги сильно ратует за социальный контракт, но очевидно, что если бы такая возможность была, то можно было бы облегчить жизнь десятков тысяч людей.

Мы начали эту книгу с философских суждений Гегеля. Закончить хотелось бы также небольшим философским экскурсом, но не метафизикой немецкого философа. Идея права, развитая Гегелем и положенная в основу российского права, является идеей государственнического, а не общественного права, а государство и общество — это не одно и то же. Автор данной книги является сторонником либертарного права. Мечтать, как говорится, не вредно, а потому помечтаем...

Либертарное право — право, очищенное от классовых интересов отдельных социальных групп и не отягощенное излишним формализмом. В системе либертарного права судебные решения принимают не судебные бюрократы, которым наплевать на судьбу подсудимого, которых больше заботят собственная карьера и соображение «как бы чего не вышло», а лица, вникающие в суть произошедшего.

Либертарное право — это мечта о справедливости, когда невиновных не преследуют, когда вину не отягощают, когда нет идеологии «двойного дна» — по закону одно, а по-людски другое, когда система реально направлена на исправление, а не на ожесточение. Эта мечта осуществима, но в России она может быть осуществлена только через революцию. Эта система может функционировать только при ином типе социальных отношений — в современных условиях российского олигархического капитализма она невозможна.

<https://www.samoopredelenie.info>
<https://www.facebook.com/samoopredelenie>

<https://freebuchenkov.info/>

Бученков Д.Е. Фальсификация уголовных дел в современной России (на примере «Болотного» дела). М., СПб, - Самоопределение, 2018. - 90 стр.